

Международное высшее образование

ВЫПУСК

106

Весна

2021

Международный
ракурс

Вопросы
интернационализации

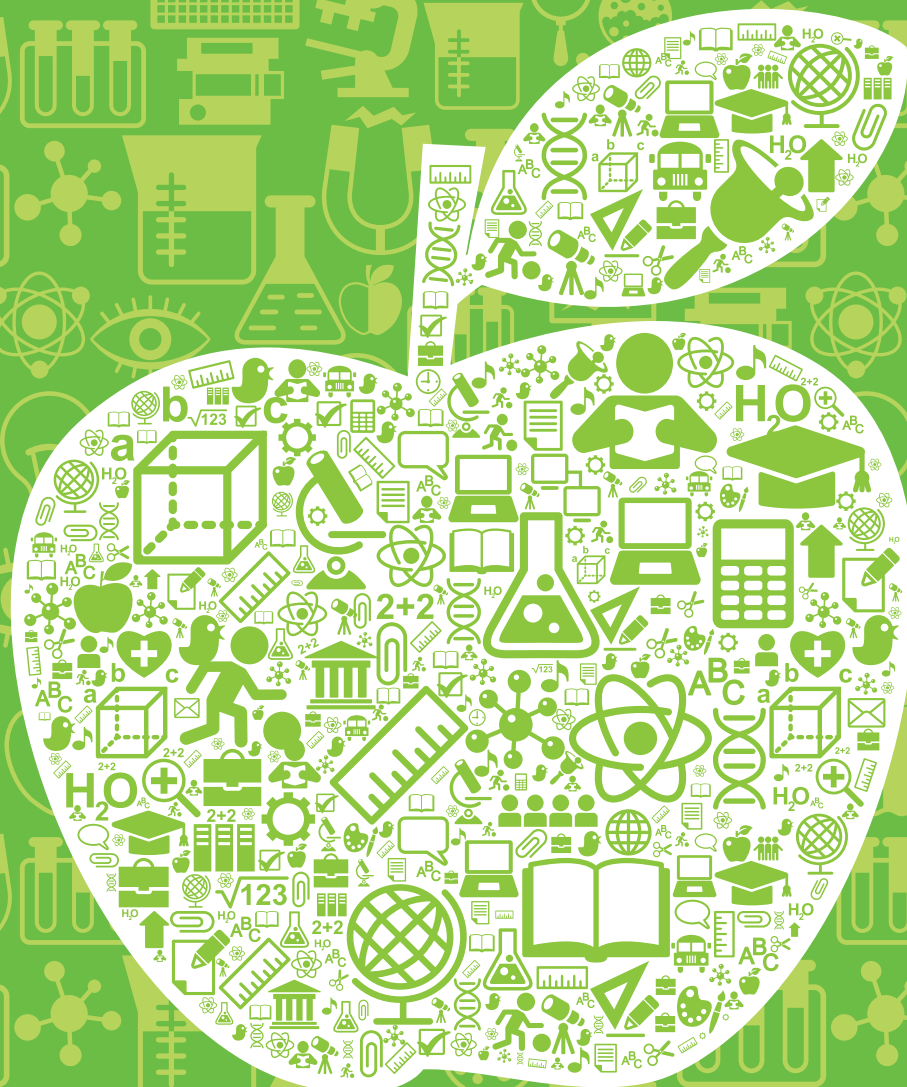
Национальные стратегии
интернационализации

Великобритания
после Брекзита

Россия: меняющийся
академический ландшафт

Китай: меняющийся
рынок труда

Страны
и регионы

Русскоязычное издание журнала *International Higher Education*
(Бостонский колледж, США)

СИНЕ

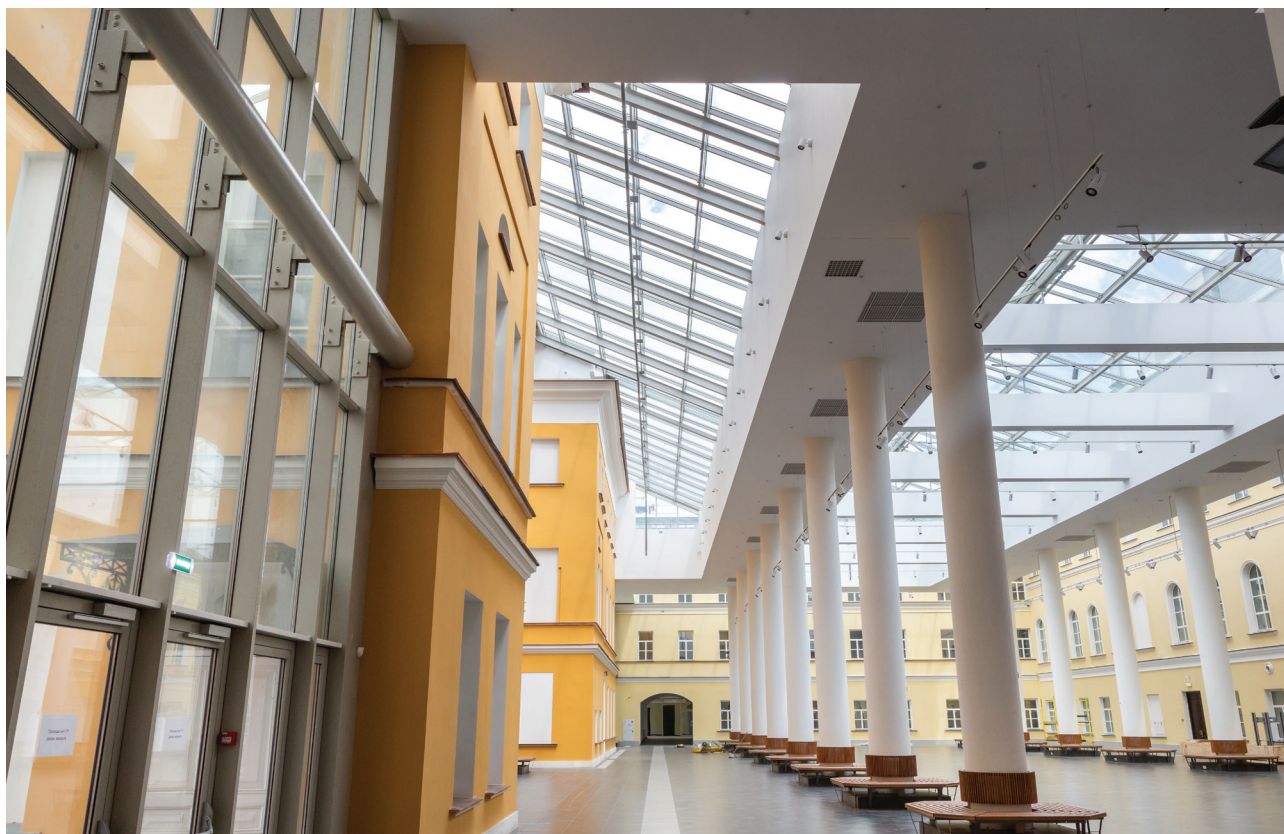
Центр по изучению международного высшего образования Бостонского колледжа (США) занимается теоретическими разработками и проводит междисциплинарные исследования в области высшего образования на мировом уровне. Основной задачей центра является распространение актуального, аналитически осмысленного знания о состоянии, тенденциях развития, структуре и основных проблемах международного высшего образования.

Среди направлений деятельности центра ключевыми являются издание ежеквартального бюллетеня International Higher Education, содержащего лучшие научные разработки и статьи о важных изменениях в области высшей школы на примере локальных, региональных и международных кейсов; отбор и издание книг и монографий состоявшихся и молодых исследователей из разных стран; работа по активизации исследований в области высшей школы

в странах Африки и других развивающихся странах; мониторинг коррупции в сфере высшего образования, а также работа, связанная с кросс-культурным взаимодействием университетов и исследователей.

Центр по изучению международного высшего образования — стратегический партнер ИНИИ НИУ ВШЭ, в сотрудничестве с которым реализован целый ряд исследовательских проектов. Новым этапом совместной деятельности является подписание соглашения о передаче прав на издание и распространение бюллетеня на русском языке.

<http://www.bc.edu/research/cihe/>

ИНИИ

Институт институциональных исследований (ИНИИ) является одним из научно-исследовательских центров НИУ ВШЭ. Он специализируется на фундаментальных и прикладных междисциплинарных исследованиях в области институционального анализа экономики, а также в сфере социологии науки и высшего образования. ИНИИ интегрирован в международные исследовательские сети высшего образования и сотрудничает с зарубежными экспертами в рамках совместных проектов, охватывающих вопросы развития высшего образования и образовательной политики.

Одним из основных направлений исследований ИНИИ является изучение образовательных и профессиональных стратегий студентов и абитуриентов, а также связей между образованием и рынком труда. В исследованиях сотрудников института анализируются вопросы, с которыми сталкиваются абитуриенты в процессе поступления, факторы успеха студентов во время учебы в вузах, вопрос трудоустройства студентов и совмещения учебы и работы. Изучается ожидаемая и фактическая отдача от учебы и результа-

ты на рынке труда выпускников вузов в зависимости от образовательных факторов и стратегий перехода от учебы к работе, уделяется особое внимание вопросам, связанным с гендерным неравенством. Исследования проводятся в сотрудничестве с другими исследовательскими центрами, в том числе с Лабораторией исследований рынка труда НИУ ВШЭ, Центром исследований политики в области высшего образования Университета Порто и Университетом Гента.

На базе ИНИИ проводятся еженедельные открытые научные семинары и ежегодная международная летняя школа по институциональному анализу (RSSIA), сотрудниками института организовано издание ежеквартального журнала “Higher Education in Russia and Beyond”. ИНИИ также проводит экспертно-аналитическое обеспечение работы федеральных и региональных органов власти, университетов в области образовательной политики. Ежегодно институт ведет набор студентов, аспирантов и постдоков из России и других стран.

<https://cinst.hse.ru/>

Содержание

Международное высшее образование

№106 / Весна 2021

Международный ракурс

- 6 Университетам, лишенным академической свободы, не место в рейтингах
Карстен А. Хольц
- 8 Образовательные агентства и их сотрудничество с вузами
Винченцо Раймо, Иона-Юэлу Хуан и Эдди Вест
- 10 Недооценка роли аспирантуры в постпандемийные времена
Тесса ДеЛакуил и Личжоу Ван
- 12 Оценивая доступ к высшему образованию: задачи и контекст
Ч. М. Малиш

Вопросы интернационализации

- 13 Интернационализация, цифровизация и COVID-19: взгляд из Германии
Доротея Рюланд
- 15 Внимание к глобальным проблемам и востребованность на местном уровне: новый взгляд на высшее образование
Жанет Илиева и Вангелис Цилигирис

Национальные стратегии интернационализации

- 17 Германия: развитие интернационализации
Суде Пекшен и Людвика Лейшите
- 19 Разработка стратегии интернационализации в ЮАР
Нико Йосте и Корнелиус Хагенмайер
- 21 Интернационализация и новая образовательная политика Индии
Н. В. Варгхесе и Эльдхо Мэтьюз

Великобритания после Брекзита

- 23 Чего ждать британскому высшему образованию после Брекзита?
Энн Корбетт
- 25 Программа имени Тьюринга в Великобритании: новые испытания
Хосе Мария Хиберт и Алекс Район

Россия: меняющийся академический ландшафт

- 27 Долгая борьба за повышение академических стандартов в России
Филип Альтбах
- 29 Высшее образование в России и демографическая революция
Нияз Габдрахманов и Олег Лешуков

Китай: меняющийся рынок труда

- 31 Неужели китайские «морские черепахи» превращаются в «морскую капусту»?
Меняющийся рынок труда
Дэвид Цвайг и Цзайчао Ду
- 33 Китай: выпускники вузов в суровых реалиях рынка труда
Ин Лу и Юань Гао

Страны и регионы

- 35 Коммерческое высшее образование в Латинской Америке: исключение или знаковое явление?
Данте Х. Сальто и Дэниел Леви
- 37 Приватизация и неравный доступ к образованию в Индии
Вишал Джамкар и Кристофер Джонстоун
- 39 Польша: 10 лет реформ (2010–2020 гг.)
Марек Квик

Университетам, лишенным академической свободы, не место в рейтингах

Карстен А. Хольц

*Карстен А. Хольц — профессор
отделения социальных наук Гонконгского
университета науки и технологии.*

E-mail: carstenholz@gmail.com.

URL: <https://carstenholz.people.ust.hk>.

В свежем рейтинге Times Higher Education (THE) за 2021 год мало сюрпризов. Возглавляют его давно знакомые завсегдатаи. Однако среди них попадаются и вузы тоталитарных государств, которые не соответствуют нашим представлениям о том, каким должен быть университет. Если скорректировать топ-150 рейтинга с учетом академической свободы, то сингапурские и китайские вузы (и из КНР, и из Гонконга) опустятся в самый низ списка.

Фундаментальные ценности наших университетов

Современные рейтинги вузов камуфлируют то, что мы ценим больше всего: возможность свободного академического общения. В некоторых странах академической свободы не существует. Взять, к примеру, Китайскую Народную Республику. Фуданьский университет, расположенный в Шанхае, занимает высокие позиции в международных рейтингах. Но в конце 2019 года устав его был пересмотрен, из абзацев о принципах управления и правилах проведения научных исследований были удалены такие слова, как «свобода мысли» и «независимо». Вместо этого там появился пассаж о «высшей руководящей роли Коммунистической партии». Студенты, доносящие на своих преподавателей, — это уже распространенное явление в вузах Китая, равно как и увольнение политически неблагонадежных сотрудников. Сопоставьте эту практику с нашим пониманием роли академической свободы, как его сформулировал Филип Альтбах в 2001 году: «Академическая свобода — основополагающий принцип деятельности университета. Она крайне важна для образования и науки. Многие согласятся, что действительно развитая система высшего образования не может существовать без академической свободы».

Или возьмем Гонконг. В Гонконге профессоров, имеющих постоянный контракт, увольняют по политическим причинам. А за критику «центрального правительства», которую поборники режима описывают как «подрыв авторитета центральных властей»,

теперь можно угодить в тюрьму. Для сравнения: в Новой Зеландии университетам по закону предписано выступать, помимо прочего, в роли «критика и совести общества».

Корректировка рейтингов с учетом академической свободы

Давно пора перестать относиться к академической свободе — одному из главных устоев, на которых держится университет, — как к чему-то несущественному. Но скорректировать рейтинг THE с учетом академической свободы — непростая задача.

Авторы проекта Varieties of Democracy (V-Dem) из Гётеборгского университета в Швеции впервые включили в свою базу данных (за 1900–2019 годы) пять показателей академической свободы. Эти пять показателей позволили исследователям составить базовый индекс академической свободы в разных странах.

Если скорректировать рейтинг THE с учетом академической свободы (путем умножения баллов в этом рейтинге на балл из шведского индекса), обнаруживаются поразительные закономерности. В скорректированной версии рейтинга большинство университетов оказывается практически на тех же местах, что и в первоначальной, однако определенная группа вузов составляет исключение. Если взглянуть на первые 150 строчек рейтинга, то среди этих вузов было семь университетов материкового Китая, которые занимали 20, 23, 70, 87, 94, 100 и 111-е места, но в скорректированном рейтинге оказались в самом низу. Все пять гонконгских университетов и оба сингапурских (лучшие из них занимали 25-е и 39-е место) скатились на 137–143-ю строчки, то есть оказались чуть выше семи китайских вузов.

Современные рейтинги вузов камуфлируют то, что мы ценим больше всего: возможность свободного академического общения.

В качестве заменителя академической свободы можно использовать такой индикатор, как свобода прессы. В США академическая свобода, равно как и свобода прессы, вытекает из Первой поправки к Конституции, которая гарантирует свободу слова. И хотя академическая свобода и свобода прессы — это не одно и то же, они, безусловно, неразрывно связаны между собой. Международная неправительственная организация «Репортеры без границ» ежегодно публикует «Барометр свободы прессы», который учитывает ситуацию в 180 странах.

Результаты оказались практически такими же. Университеты материкового Китая сразу скатились в самый низ, оказавшись позади сингапурских и гонконгских (только Университет Гонконга немного вырвался вперед, заняв 132-е место). К тому же корректировка рейтинга с учетом свободы прессы сыграла на руку вузам континентальной Европы, в отличие от британских и американских, потому что ситуация со свободой прессы в таких странах, как Швейцария, Нидерланды и Германия, гораздо лучше, чем в Великобритании и США.

Можно ли вообще считать свободу прессы надежным индикатором академической свободы? Если судить по результатам научного исследования, посвященного академической свободе в 28 европейских странах, среди которых предпоследнее место заняла Великобритания, то да. А КНР занимает с точки зрения свободы прессы 177-е место в мире, опережая лишь Эритрею, Туркменистан и Северную Корею, что вполне соответствует имеющимся у нас представлениям об академической свободе в этой стране.

Академическая свобода в условиях приоритизации точных наук и радикального менеджериализма

Мои коллеги по Гонконгскому университету науки и технологии, где я работаю, представляющие естественные, технические, инженерные и математические науки, не чувствуют особой нужды в академической свободе. Подавляющее большинство сотрудников в этих областях — выходцы из материкового Китая, и они нередко порицают коллег из Школы гуманитарных и социальных наук за исследования, которые хоть как-то могли бы послужить поводом для непрошеного внимания со стороны властей, вплоть до того, что некоторые в итоге увольняются.

Многие из преподавателей — выходцев из материкового Китая состоят в Коммунистической партии, а будущий член партии, принимая присягу, обязуется, помимо прочего, «выполнять решения партии, строго соблюдать партийную дисциплину, охранять партийные тайны и никогда не предавать партию». Верность партии — превыше всего, включая академическую свободу.

Положение дел лишь усугубляется из-за культуры радикального менеджериализма, при которой преподаватели лишены возможности конструктивно участвовать в решении академических вопросов и при которой им отводится лишь пассивная роль в полностью подчиняющемся руководству «ученом совете», а профсоюзы и вовсе отсутствуют. Модель высшего образования, сложившаяся в КНР, предполагает упор на естественные, технические, инженерные и математические науки в практически фабричной обстановке и под жестким контролем со стороны вузовского руководства/партии. В подобной системе не место свободным размышлениям об обществе и

экономике, не говоря уже о размышлениях о политике и истории. Монополия на истину принадлежит партии.

В 1935 году президент Чикагского университета Роберт М. Хатчинс выступил с речью «Что есть университет», где он говорил, что «университет не может существовать без свободного интеллектуального поиска, свободы дискуссий и свободы преподавания» и что «задача образования — не набить головы студентов фактами, не пытаться их изменить, не развлечь их и даже не сделать из них знатоков в какой бы то ни было сфере, а в том, чтобы по возможности научить их думать, причем всегда думать своей головой». В условиях тоталитарного режима не может быть ни свободного интеллектуального поиска, ни свободы дискуссий, ни свободы преподавания, ни обучения умению думать своей головой.

Замена «свободы слова» на «высшую руководящую роль Коммунистической партии» и замещение поисков истины «истиной», которую предлагает партия, — это не что иное, как публичное отречение вуза от права считаться университетом. Тогда почему же подобные вузы по-прежнему включаются в международные рейтинги?

Последствия замалчивания рейтингами проблем академической свободы

Не зря девиз Гарварда — “Veritas” («Истина» на латыни), а девиз Стэнфордского университета — “Die Luft der Freiheit weht” («Веет ветер свободы» по-немецки). Академическая свобода как условие для поисков истины — краеугольный камень университета. А «высшая руководящая роль Коммунистической партии» с ее монополией на правду прямо противоречит этому принципу.

Рейтинги вузов, в том числе рейтинг ТНЕ, поощряют тоталитарные режимы, превращающие академический мир в строго контролируемую систему, нацеленную на достижение нужных режиму технологических успехов, в то время как гуманитарные и социальные науки скатываются в пустоту и застой. Общечеловеческие ценности отодвигаются на второй план, уступая место верности великому вождю. Массы выхолощенных псевдоученых задают контуры мировой науки в самых разных дисциплинах, выступая в роли редакторов журналов, рецензентов и авторов статей. А вузы, чья деятельность основана на неукоснительном повиновении Коммунистической партии в условиях полного отсутствия свободы мысли, считаются первоклассными университетами.

Образовательные агентства и их сотрудничество с вузами

**Винченцо Раймо, Иона-Юэлу Хуан
и Эдди Вест**

*Винченцо Раймо — приглашенный научный сотрудник Редингского университета (Великобритания), внештатный преподаватель Нанкинского университета информационных наук и технологий (Китай).
E-mail: v.raimo@reading.ac.uk.*

*Иона-Юэлу Хуан — сотрудница Университета Харпера Адамса (Великобритания).
E-mail: ihuang@harper-adams.ac.uk.*

Эдди Вест — заместитель декана по международной стратегии и международным программам, Университет штата Калифорния в Сан-Диего (США). E-mail: ewest@sdsu.edu.

В мире насчитывается около 20 000 агентств по привлечению международных студентов или по распространению информации об образовательных программах. Подобные фирмы становятся для тысяч студентов, желающих поучиться за границей, основным проводником на и без того сильно коммерциализированном пути к международному высшему образованию. Основная доля людей, занятых в индустрии по привлечению международных студентов, приходится именно на подобных агентов, выступающих в роли посредников между вузами, чьи доходы с каждым годом все в большей степени зависят от количества международных студентов и абитуриентов, ищущих идеальное место учебы.

Кто такие образовательные агенты?

Согласно определению британского Министерства внешней торговли, агент — это лицо или организация, «работающая от имени экспортера [в данном случае от имени вузов] и знакомящая потенциальных клиентов [то есть абитуриентов] с предлагаемыми экспортером продуктами или услугами [образовательными программами]». Отмечается также, что «агенту достается процент от стоимости товара [платы за обучение]».

Существуют также агентства, куда обращаются абитуриенты, чтобы им помогли с подачей заявлений в иностранные вузы. В этой статье мы не рассматриваем подобные агентства, за исключением случаев, когда они работают в том числе на вузы, то есть когда они заключают контракты с двумя сторонами и получают оплату и от абитуриентов, и от вузов, — американцы называют такую модель «двойной куш».

Почему вузы сотрудничают с агентствами?

Вузы сотрудничают с агентствами, потому что для учебных заведений это самый экономичный способ привлечения международных студентов. В исследовании “Power and control: Managing agents for international student recruitment in higher education”, проведенном И.-Ю. Хуан и другими, респонденты из числа сотрудников вузов называли самые разные причины, почему они работают с агентствами: «агенты очень быстро привлекают студентов»; «издержки, связанные с выходом на новые рынки [в странах с развивающейся экономикой], очень высоки, а окупаемость нулевая»; «некоторые страны считаются небезопасными, и сотрудники вузов не могут туда ездить»; «другие вузы тоже работают с агентствами, и никто не хочет отстать от конкурентов».

Подробных и надежных данных о работе образовательных агентств нет, за исключением разве что Австралии, однако мы точно знаем, что почти все вузы Австралии, Великобритании и Новой Зеландии сотрудничают с агентствами, что американские вузы все чаще следуют их примеру и что некоторым университетам было бы чрезвычайно трудно набрать нужное число иностранных студентов без помощи агентств. Агентства также стали ключевым каналом привлечения иностранных студентов в вузы континентальной Европы, а также в частные и государственные вузы многих других стран (включая международные филиалы), чье финансовое положение во многом зависит от платы, взимаемой с иностранных студентов.

Сколько студентов привлекается благодаря агентствам?

Агентства занимаются привлечением абитуриентов на все уровни обучения, в том числе в аспирантуру. Есть много различных данных о доле студентов, привлекаемых через агентства, однако нам не удалось найти какой-то единый надежный источник актуальных сравнительных данных. Наиболее надежный источник данных хотя бы на уровне одной страны — статистика, публикуемая правительством Австралии, согласно которой 73% всех международных студентов, зачисленных в вузы страны в 2018 году, было привлечено именно благодаря агентам. В Новой Зеландии, согласно сведениям правительства, этот показатель составляет 50%. Официальной статистики по Великобритании нет, но, по нашим расчетам, там агенты привлекают не менее трети всех международных студентов, причем некоторые университеты практически полностью зависят от работы агентств в вопросах привлечения иностранных студентов. Составить представление о ситуации в США очень трудно — отчасти из-за многообразия сектора высшего образования, а отчасти из-за того, что в определенных кругах использование услуг агентов по-прежнему считается спорной практикой. Но по данным аналитического

центра Observatory on Borderless Higher Education (OBHE) за 2014 год, 11% всех студентов американских университетов привлекалось именно благодаря агентам, а согласно более свежим данным Bridge Education Group, таким образом привлекается 22% всех международных студентов в США.

Если верить вузам, комиссия агента за каждого привлеченного студента варьируется от 12 до 15% стоимости обучения на первом курсе, но из-за конкурентного давления некоторым университетам приходится платить гораздо больше. Кроме того, вузы все чаще вынуждены платить дополнительную комиссию за абитуриентов, привлеченных на подготовительные курсы и впоследствии поступивших в бакалавриат. А помимо фиксированной тарифной ставки некоторые вузы платят агентам еще и в том случае, если те выполняют определенные количественные или иные задачи, а также разрабатывают дополнительные стимулы для агентов, например полностью оплаченные «ознакомительные туры» по вузу. Некоторым агентам платят еще и абитуриенты, которых они консультируют, и это в дополнение к тому, что им платят вузы, для которых они, собственно, и ищут абитуриентов. Естественно, что в условиях непрозрачности этих двух источников доходов (в подавляющем большинстве случаев они непрозрачны) возникает конфликт интересов.

Как регулируются отношения между университетами и агентствами?

Власти большинства стран, за исключением Австралии, Нидерландов и Новой Зеландии, практически никак не регулируют отношения университетов с агентствами по привлечению абитуриентов.

В Великобритании о роли агентов и масштабах их сотрудничества с вузами в целом мало что известно. Агентство по обеспечению качества образования рекомендует университетам публиковать актуальные списки уполномоченных агентов и четко оговаривать в общении с абитуриентами, что услуги, предоставляемые агентами, оплачиваются вузами. Но пока подтверждений тому, что вузы действительно следуют этим рекомендациям, нет. И хотя британская организация по защите интересов студентов поднимала в своем обзоре ситуации с поступлением в университеты вопрос о роли агентств, ответа на него еще нет, а какие-то формальные принципы или правила работы еще только предстоит разработать.

В США закон о высшем образовании, регулирующий распределение федерального финансирования, запрещает платить за привлечение абитуриентов внутри страны. Есть лишь одно исключение: данное ограничение «не распространяется на работу с иностранными абитуриентами, живущими за рубежом и не имеющими права на получение федеральной финансовой помощи учащимся». Впрочем, на практике власти никак не контролируют деятельность агентств по привлечению абитуриентов из-за рубежа.

Мы проводили исследование “Governance of agents in the recruitment of international students: A typology of contractual management approaches in higher education”, изучая применяющиеся в Австралии, Великобритании и США договорные формы регулирования отношений между вузами и образовательными агентствами и их результаты с точки зрения руководителей вузов.

Один из выводов, к которым мы пришли, заключается в том, что настаивать на едином универсальном подходе было бы неразумно, потому что в сфере привлечения международных абитуриентов задействовано множество факторов и рисков. Нынешнее попустительство показывает, что университеты должны взять на себя более активную роль в управлении отношениями с агентами, как бы им ни хотелось отдать эту функцию на сторону. К наилучшим результатам приводит работа с ограниченным кругом агентов на условиях строгого договорного регулирования взаимоотношений, но если вуз все же работает с широким кругом агентов, то очень важно четко прописывать в контрактах с ними все условия работы и соблюдать их.

...73% всех международных студентов, зачисленных в вузы страны в 2018 году, было привлечено именно благодаря агентам.

Выводы

Образовательные агенты уже давно занимают важное место в арсенале маркетинговых средств, используемых вузами для привлечения студентов из-за рубежа. Из-за усиления финансового давления, только усугубившегося на фоне связанных с COVID-19 ограничений на передвижение, вузы все чаще вынуждены полагаться на агентов, чья помощь постепенно становится залогом финансового благополучия вузов.

Поскольку студентов, привлеченных именно благодаря агентствам, становится все больше, то, на наш взгляд, ясно, что давно назрел вопрос о повышении прозрачности деятельности подобных агентств. Пренебрежение этим вопросом может отрицательно сказаться на благополучии студентов и на репутации вузов. Правила и нормы, принимаемые на национальном уровне, имеют смысл только в том случае, если университеты неукоснительно их соблюдают и честно рассказывают о них потенциальным международным абитуриентам и если государство следит за выполнением этих правил.

Недооценка роли аспирантуры в постпандемийные времена

Тесса ДеЛакуил
и Личжоу Ван

*Тесса ДеЛакуил и Личжоу Ван — аспирантки и научные ассистентки Центра по изучению международного высшего образования Бостонского колледжа (США).
E-mail: tessa.delaquil@bc.edu; wangliz@bc.edu.*

В июле 2020 года мы опубликовали эссе с нашими наблюдениями об изолированности аспирантов во время пандемии COVID-19, в частности об упущенных возможностях в контексте формирования навыков, повышения квалификации и налаживания связей. Хотя в прошлом году мы предложили несколько рекомендаций, которые могли бы помочь справиться с вышеупомянутыми трудностями, с тех пор в различных национальных и институциональных контекстах проявились новые проблемы системного характера.

Целые системы высшего образования и отдельные вузы столкнулись на фоне пандемии с сокращением финансирования, но, как показывают события последних месяцев, для системы подготовки аспирантов последствия недофинансирования могут оказаться особенно серьезными. В этой статье мы хотим показать, что недооценка роли аспирантуры в высшем образовании грозит губительными долгосрочными последствиями не только для системы высшего образования, но и для экономического и социального развития.

Ценность аспирантуры

Из-за развития инновационной экономики многие страны стремятся дифференцировать и усиливать высшее образование путем создания исследовательских университетов. В эту тенденцию также вписывается создание новых программ подготовки аспирантов по самым разным направлениям — от естественных, технических и математических наук до гуманитарных и социальных. Соответственно, благодаря тому, что аспиранты причастны к исследовательскому процессу и таким образом участвуют в создании новых знаний, они играют все более важную роль в экономическом и общественно-политическом развитии. Аспиранты также участвуют в подготовке бакалавров, выступая в качестве преподавателей или ассистентов преподавателей. Иными словами, аспиранты вносят прямой и

косвенный вклад в развитие кадров в самых разных областях.

Предполагается, что аспиранты, обладающие глубокими познаниями в своей специальности, навыками самостоятельного ведения исследований и другими навыками широкого применения, вносят существенный вклад в экономику знаний — как в академическом контексте, так и в производственном. Наличие степени PhD уже стало базовым требованием при приеме на работу в качестве исследователя или преподавателя.

Центр и периферия

Увеличение разрыва между центрами и периферией в сфере международного высшего образования (между регионами и странами с высокими, средними и низкими доходами; на уровне отдельных образовательных систем, вузов, людей) только усугубилось из-за пандемии. Несмотря на важность аспирантуры многие вузы и органы государственного управления разных стран, отвечающие за образование, уже сократили или планируют сократить финансирование программ подготовки аспирантов, в особенности в области искусств и в гуманитарных и социальных науках. Это происходит не только в вузах «периферийных» стран, но и в ведущих вузах богатых стран.

Многие американские вузы, включая Гарвард, Браунский университет, Колумбийский университет, Массачусетский технологический институт, Нью-Йоркский университет и другие, объявили о приостановке приема в аспирантуру осенью 2021 года, в частности на программы по гуманитарным и социальным наукам. Они объясняют это нехваткой ресурсов и решением перенаправить имеющиеся ресурсы на поддержку нынешних аспирантов. Однако приостановка набора в аспирантуру может привести к сужению возможностей для потенциальных аспирантов в сфере гуманитарных и социальных наук, причем сильнее всего это решение скажется на абитуриентах из наиболее уязвимых социальных групп.

В марте 2020 года аспиранты и молодые исследователи из британских вузов обратились в UK Research and Innovation (UKRI) — централизованный орган, отвечающий за распределение научного финансирования в стране, — с просьбой продлить выделенное им финансирование на период пандемии. Однако в ноябре 2020 года они услышали в ответ «настоятельный совет» подогнать свои планы под первоначально согласованные сроки; небольшую дополнительную помощь получили лишь те, кому оказалось труднее всего завершить свои исследовательские проекты в срок.

Примеры из Великобритании и США показывают, что пандемия COVID-19 мешает системе подготовки аспирантов. Потенциальные абитуриенты вынуждены отложить поступление в аспирантуру минимум на год, что, возможно, вызовет эффект домино и приведет

к увеличению конкурса в аспирантуру в последующие годы. Из-за приостановки набора нынешние аспиранты американских вузов и вузов других стран с аналогичной системой, возможно, вынуждены будут тянуть бóльшую нагрузку, чтобы поддерживать прежний уровень исследовательской и преподавательской работы на своих кафедрах и факультетах. В отсутствие дополнительного финансирования многим британским аспирантам, вероятно, придется менять тему исследования, чтобы подстроиться под ситуацию с нехваткой ресурсов, что, в общем-то, противоречит самой идее аспирантуры.

Германия, наоборот, приняла ровно противоположное решение: в апреле 2020 года кабинет министров решил продлить контракты со всеми аспирантами на период, соответствующий периоду вынужденного простоя, связанного с обусловленными пандемией ограничениями.

А университеты Гонконга и Сингапура выделили дополнительные места и дополнительное финансирование для студентов, чьи планы на обучение за рубежом сорвались из-за пандемии COVID-19. Некоторые престижные вузы, например Гонконгский университет и Китайский университет Гонконга, разработали заманчивую стипендиальную программу для незаурядных абитуриентов, которые прошли отбор в аспирантуру какого-либо из ведущих мировых вузов, но не смогли воспользоваться полученным приглашением. Благодаря этим мерам удалось привлечь множество абитуриентов из разных стран.

Утечка или приток мозгов?

Приведенные примеры показывают, что круговорот кадров в мире может измениться на фоне пандемии COVID-19 и после нее. Страны и вузы, уделяющие серьезное внимание подготовке аспирантов, смогли извлечь для себя пользу из сложившейся ситуации и рассчитывают на долгосрочные положительные результаты переманивания мозгов, ведь нынешние аспиранты приспособятся к местной жизни, выучат языки, получат подготовку, станут заниматься исследованиями и наладят профессиональные связи вне зависимости от того, местные они или иностранцы.

Но останутся ли ведущие вузы богатых стран привлекательными для лучших абитуриентов и молодых преподавательских и научных кадров и после пандемии вопреки решениям, принятым в ходе нее (при условии нормализации ситуации в мировой экономике и общественной жизни через пару лет)? Несмотря на то что сейчас многие из этих вузов (например, американские и британские) явно недооценивают роль аспирантуры и даже приостановили набор новых аспирантов на год-два, несправедливая расстановка сил в мире высшего образования — с перевесом в пользу этих самых вузов — может сохраниться. Впрочем, история мировых войн и недавних геополитиче-

ских конфликтов показывает, что предпочтения международных ученых видны по их поведению: по тому, где они спасаются в беспокойные времена и где живут во времена стабильности.

**Страны и вузы,
уделяющие серьезное
внимание подготовке
аспирантов, смогли
извлечь для себя
пользу из сложившейся
ситуации и рассчитывают
на долгосрочные
положительные
результаты переманивания
мозгов...**

Заключение

Подготовка и поддержка (в том числе финансовая) аспирантов в период пандемии COVID-19 чрезвычайно важны с точки зрения обеспечения будущего науки и подготовки следующего поколения специалистов по самым разным направлениям. Вузам приходится принимать трудные решения и сокращать финансирование. В частности, это затрагивает гуманитарные и социальные науки. И хотя в краткосрочной перспективе подобные финансовые решения могут показаться целесообразными, в конечном итоге они, безусловно, повлекут за собой неблагоприятные долгосрочные последствия для развития научного потенциала. Текущие изменения национальной/институциональной политики действительно могут изменить мировые кадровые потоки на несколько лет, но пока рано делать выводы о том, кто в итоге окажется в выигрыше и надолго ли. Расстановка сил в мире меняется, и с учетом явных проявлений популизма и национализма в некоторых богатых странах, с одной стороны, и политики открытости и мультилатерализма в странах с развивающейся экономикой, с другой стороны, никто не может гарантировать, что богатые страны снова окажутся в выигрыше от круговорота кадров в мире.

Оценивая доступ к высшему образованию: задачи и контекст

Ч. М. Малиш

*Ч. М. Малиш — старший преподаватель Центра изучения политики высшего образования, Национальный институт планирования и управления образованием (Нью-Дели, Индия).
E-mail: malishchirakkal@gmail.com.*

Доля населения, имеющего возможность получить высшее образование и выходящего на рынок труда с дипломом вуза, — важный показатель качества кадровых ресурсов в стране и ее потенциала в области социально-экономического развития. Специалисты по планированию и нормотворцы полагаются на различные показатели для оценки результатов, которых удалось добиться, задают целевые показатели дальнейшего расширения сектора высшего образования, уделяют дополнительное внимание определенным социальным группам, чтобы обеспечить справедливый доступ к высшему образованию в условиях расширяющейся системы. Для оценки доступа к высшему образованию широко используется такой показатель, как совокупная доля учащихся (СДУ). Однако Панкадж Миттал и Бхушан Патвардхан предложили недавно (см. 104-й выпуск «Международного высшего образования», вышедший осенью 2020 года) использовать другой показатель, а именно долю учащихся среди имеющих право поступать в вузы. Они считают это более реалистичным показателем доступа к высшему образованию, особенно в странах, где экономическая ситуация схожа с индийской. Этой статьей я постараюсь продолжить дискуссию, сравнив преимущества и недостатки двух вышеупомянутых показателей.

Показатели доступа к высшему образованию

Общая доля студентов вузов среди населения отражает связи между сектором высшего образования и обществом в целом. Совокупная доля учащихся; доля новых учащихся среди лиц, имеющих право на получение образования данного уровня; доля учащихся в определенной возрастной группе; отношение количества новых учащихся к общей численности учащихся — вот лишь основные из множества показателей, используемых при сравнении различных образовательных систем. Не все они применимы в высшем образовании. Третий из перечисленных примеров (доля учащихся в определенной возрастной группе) редко используется в контексте высшего образования из-за невозможности точно определить соответствующую возрастную группу, потому что путей, приводящих к поступлению в вуз, очень много.

Совокупная доля учащихся

К высшему образованию из перечисленных показателей чаще всего и наиболее широко в мире применяется первый — СДУ. Он лежит даже в основе классификации стадий развития высшего образования (элитистская, массовая, универсальная), предложенной Мартином Трау в начале 1970-х годов. Согласно Институту статистики ЮНЕСКО, СДУ отражает общую (независимо от их возраста) долю учащихся определенного уровня обучения среди всей возрастной когорты, соответствующей данному уровню обучения. Поскольку в Индии в вузах учатся преимущественно люди 18–23 лет, то СДУ за тот или иной год высчитывается как общее (независимо от возраста) количество всех студентов вузов в этот год, деленное на общее количество населения в возрасте 18–23 лет в стране в тот же год.

Доля учащихся среди имеющих право поступать в вузы

Как пишут Миттал и Патвардхан, доля учащихся среди имеющих право поступать в вузы рассчитывается как общее (независимо от возраста) количество всех студентов вузов в этот год, деленное на общее количество людей в возрасте 18–23 лет, имеющих аттестат об окончании средней школы (12-го класса в индийской системе). Таким образом, использование дополнительного критерия («имеющие право») просто позволяет исключить из рассматриваемой возрастной когорты тех, кто не окончил среднюю школу. Такой показатель, как доля учащихся среди имеющих право поступать в вузы, позволяет многое понять о соотношении спроса и предложения в сфере высшего образования. С другой стороны, этот показатель, в отличие от СДУ, можно увеличить двумя разными способами: путем повышения общего количества студентов в стране и путем сокращения используемой в расчетах возрастной когорты. Последнее, естественно, нежелательно. К примеру, доля учащихся среди имеющих право поступать в вузы может оказаться высокой даже при небольшом совокупном числе учащихся, если молодежи, имеющей аттестат об окончании 12 классов школы, просто мало. Так, если из миллиона людей студенческого возраста в стране школьный аттестат есть всего у тысячи, но при этом студентов в стране тоже тысяча, то доля учащихся среди имеющих право поступать в вузы будет равна 100%.

Сравнение двух показателей

Противопоставление двух показателей представляется искусственным. Как уже говорилось, они применяются с разными целями. Поэтому сравнительные преимущества, которые есть у каждого показателя, не должны служить аргументом в их пользу. Необходимо понимать цели и контекст применения того или иного индикатора. В контексте инновационной экономики, например, для социально-экономического планирования очень важно знать, какая доля населения получает

высшее образование. В подобной ситуации СДУ играет существенную роль, так как позволяет понять долю учащихся среди молодежи студенческого возраста. И чем выше СДУ, тем, значит, больше людей учится в вузах. А если ориентироваться только на долю учащихся среди имеющих право поступать в вузы в отрыве от других показателей, то планирование пойдет по неверному пути. Например, высокая доля учащихся среди имеющих право поступать в вузы может быть связана с тем, что молодых людей, отвечающих формальным критериям для подачи документов в вузы, просто мало. Соответственно, долю учащихся среди имеющих право поступать в вузы имеет смысл оценивать лишь в связке с СДУ. Стоит также отметить, что в зрелых образовательных системах, например американской, британской или немецкой, разрыв между двумя рассматриваемыми показателями минимален. Этого удалось добиться благодаря тому, что школьное образование стало всеобщим.

Противопоставление двух показателей представляется искусственным.

Миттал и Патвардхан указывают на некоторые ограничения СДУ. К примеру, учет международных студентов при расчете СДУ обеспечивает страны со зрелой системой высшего образования, куда приезжают студенты со всего мира, неправомерным преимуществом. Есть еще три фактора, влияющих на СДУ в странах с развивающейся экономикой типа Индии. Первый — это количество студентов зрелого возраста (то есть тех, кто уже не относится к официальной студенческой возрастной когорте). В странах с доступным высшим образованием типа США и Великобритании доля взрослых студентов среди общего числа учащихся вузов довольно высока и потому оказывает заметное влияние на расчет СДУ. В других регионах, в частности в Азии и Африке, этот феномен пока не так распространен. Второй фактор — продолжительность программ бакалавриата. В США, к примеру, обучение в бакалавриате длится четыре года, а в Индии — три, за исключением технических и ряда других программ, например в инженерной или медицинской области. Это тоже оказывает существенное влияние на расчет СДУ. Третий фактор — многообразие типов учебных заведений и программ, учитываемых при расчете СДУ. Некоторые программы третичного образования, недотягивающие до бакалаврского уровня (шестого уровня по Международной стандартной классификации образования, принятой ЮНЕСКО в 2011 году), вообще не стоит учитывать при расчете СДУ.

Заключение

В заключение нужно сказать, что СДУ и доля учащихся среди имеющих право поступать в вузы описывают различные сценарии формирования студенческого контингента. Соответственно, сравнивать два этих показателя между собой и оценивать преимущества одного относительно другого не очень целесообразно. Хотя доля учащихся среди имеющих право поступать в вузы — важный показатель, сам по себе он практически бесполезен в сфере образовательного и экономического планирования. Если перед страной стоит задача создать более инклюзивное общество и построить экономику, которая стала бы в эпоху инноваций конкурентоспособной на международном уровне, то логичнее использовать СДУ. А значит, СДУ наверняка останется основным показателем оценки доступа к высшему образованию. Впрочем, еще есть над чем поработать, чтобы этот показатель можно было использовать в международных сравнительных исследованиях и чтобы он более достоверно отражал ситуацию в странах с низкими доходами и доходами ниже среднего.

.....

Интернационализация, цифровизация и COVID-19: взгляд из Германии

Доротея Рюланд

*Доротея Рюланд — генеральный секретарь Германской службы академических обменов (DAAD).
E-mail: rueland@daad.de.*

Изначально эта статья была опубликована как текст зoот-лекции д-ра Рюланд на тему «Интернационализация в цифровую эпоху: что изменилось — и что с того?» для Трирского университета в январе 2021 года.

Цифровизация давно стоит на повестке дня, и не зря. Сейчас, однако, наступил переломный момент: пандемия COVID-19 ускорила многие процессы; многое изменилось. Мы оказались в эпицентре масштабного трансформационного процесса, который изменит не только академический мир, но и условия труда, а также нашу жизнь в целом.

Влияние COVID-19 на международное высшее образование

Университеты, международное высшее образование, международное научное сотрудничество — все это будет выглядеть иначе после пандемии COVID-19, и тому есть ряд причин. Еще никогда наука не была так важна, как сегодня. Для решения задач глобального масштаба, например для достижения Целей устойчивого развития ООН, человечеству нужны тесные взаимосвязи, поскольку ни одна страна не может справиться с такими проблемами в одиночку. Нынешняя борьба с COVID-19 подтверждает это.

Международное научное сотрудничество в условиях текущего кризиса оказалось вполне плодотворным и устойчивым. Во время пандемии (особенно вначале) было опубликовано больше научных статей, подготовленных в контексте международного сотрудничества, чем за такой же допандемийный период. И это вполне понятно: ученые, которые сотрудничали между собой, и так уже хорошо друг друга знали и доверяли друг другу, между ними было взаимопонимание. Переключиться в цифровой формат было нетрудно. Соответственно, научное сотрудничество — ключ к дальнейшим успехам в области интернационализации.

Роль цифровизации в высшем образовании

Но какова роль цифровизации в свете всех этих тенденций? Благодаря цифровизации мы в меньшей степени зависим от временных и географических факторов. И главным ускорителем этого процесса стала, конечно, пандемия COVID-19. Мобильность остановилась в марте 2020 года, и других вариантов просто не осталось. Вузам по всему миру пришлось в одночасье перевести обучение в цифровой формат. Им пришлось искать новые способы обучения и ведения научных исследований. И сейчас, оглядываясь на последние месяцы, уже можно сказать, что эти изменения обернулись успехом.

Что ж, неужели все так чудесно, а академический мир вскоре станет полностью цифровым? Скорее всего, нет. Но что же сулит нам будущее? Роль физической и цифровой мобильности наверняка изменится. Как уже упоминалось выше, в сфере научного сотрудничества переход в цифровой формат прошел так гладко, потому что ученые и так знали друг друга, встречались друг с другом ранее и уже привыкли к сотрудничеству.

Студенты и новый академический мир

Однако студенты оказались в совсем других условиях. Молодежь должна иметь возможность общаться друг с другом лично, набирать навыки межкультурного взаимодействия, встречать за границей новых людей, знакомиться с многообразием взглядов, налаживать взаимодоверие и контакты с другими людьми и максимально извлекать пользу из свободы передвижения.

Соответственно, в этом плане физическая мобильность по-прежнему играет огромную роль. Тем не менее цифровизация может служить полезным инструментом подготовки к физической мобильности и содействия ей.

Мы и так знаем, что как минимум половина всех студентов Германии никогда не отправится за границу, например по финансовым или семейным соображениям. А цифровизация может способствовать развитию интернационализации в стенах вузов. Еще один плюс цифровизации заключается в том, что она стимулирует многообразие. Цифровизация может стать основным фактором, который поможет завоевать новые целевые группы, расширить спектр предлагаемых возможностей, диверсифицировать студенческий контингент и усилить информационно-просветительскую деятельность.

Может повыситься и качество учебы, потому что собрать выдающихся ученых со всего мира в виртуальном пространстве гораздо удобнее и проще, чем пытаться физически свезти их в одно место. Но не стоит забывать, что многое зависит от цифровой инфраструктуры. Об этом нужно помнить, занимаясь развитием цифрового сотрудничества. В мире все еще есть регионы, где доступ в интернет не что-то само собой разумеющееся. И мы не должны усугублять и без того существующее цифровое неравенство. Возвращаясь на уровень индивидов, можно заметить, что чем дальше человек продвинулся в своем образовании, тем больше преимуществ он извлекает из цифровой мобильности.

Впрочем, вряд ли большинство студентов мира в итоге будут учиться в полностью цифровой образовательной среде. Исследования, проводимые в этой сфере, показывают, что лишь около 10% студентов, заинтересованных в интернационализации, выбирает онлайн-образование. Возможно, картинка окажется другой, если мы взглянем не только на традиционные программы высшего образования, но также на программы повышения квалификации для взрослых и на различные краткосрочные тренинги, завершающиеся получением какого-нибудь сертификата.

Речь не только о мобильности

Таким образом, в будущем мы должны будем сначала подумать об ожидаемых результатах и следствиях мобильности, прежде чем выбрать наиболее подходящий для конкретной ситуации тип мобильности — физический или виртуальный.

Это лишь один аспект цифровизации и ее роли в интернационализации. Однако интернационализация не ограничивается мобильностью. В развитие этой темы: возможно, нам придется пересмотреть наши представления не только об интернационализации, но и об университетах вообще. Европейские университеты и поддерживаемые ими сети были вынуждены переключиться в цифровой формат, чтобы продолжать

многостороннее сотрудничество. Как я уже говорила, цифровизация позволяет нам стать независимее и гибче. Почему вообще разные университеты предлагают одинаковые курсы? Не разумно ли объединить силы и заняться разработкой совместных образовательных программ, как это уже делают в некоторых областях университеты Германии?

Еще один вопрос связан с цифровизацией студенческого опыта взаимодействия с вузами и административной сферы. В идеале всем студентам будет обеспечена персональная поддержка в соответствии с их потребностями и интересами и пошаговая помощь с отправкой в зарубежные вузы, если они захотят там учиться. Все это можно организовать удобным и эффективным образом именно благодаря цифровизации и искусственному интеллекту. И речь не о каком-то дивном новом мире, — это уже становится реальностью в Германии, где существует платформа MyGuide, которая предлагает персонализированную помощь абитуриентам, желающим получить образование в вузах других стран.

...академический мир вскоре станет полностью цифровым?

Заключение

В общем, когда мы говорим о цифровом переходе, то речь идет не просто о совершенствовании технологий, но об организационных и системных инновациях, влияющих на все аспекты высшего образования и образовательной системы в целом. Стоит избегать частных решений — распространенной ошибки прошлого. Цифровизация коснется всех аспектов деятельности университетов, включая содержание образовательных программ, потому что в подобных меняющихся условиях у студентов будет возникать потребность в новых навыках. И наконец, важно отметить, что все эти процессы требуют нового подхода к управлению. Нам нужен комплексный стратегический подход. Это позволит интернационализации выйти на качественно новый уровень. Университет будущего станет во всех смыслах международным — и физически, и виртуально.

Внимание к глобальным проблемам и востребованность на местном уровне: новый взгляд на высшее образование

Жанет Илиева и Вангелис Цилигирис

*Жанет Илиева — директор
и основательница консалтинговой компании
Education Insight (Великобритания).
E-mail: janet.ilieva@educationinsight.uk.*

*Вангелис Цилигирис — преподаватель
Ноттингемского Трентского университета
(Великобритания).
E-mail: vangelis.tsiligiris@ntu.ac.uk.*

Сегодня вузы всего мира решают проблемы, связанные с вспышками COVID-19 среди студентов и преподавателей и с транспортной ситуацией, поскольку приостановка авиасообщения и санитарно-гигиенические ограничения затрудняют мобильность. С целью снижения рисков для здоровья многие вузы объявили о частичном возвращении в офлайн, причем международным студентам дают возможность учиться онлайн, посещать занятия в местных вузах-партнерах или же отложить обучение на следующий семестр. Отдельные примеры свидетельствуют о том, что университетам, предлагающим гибкие образовательные возможности, довольно хорошо удается поддерживать интерес со стороны иностранных студентов.

Пока текущие решения напирających со всех сторон проблем носят краткосрочный характер и направлены в первую очередь на то, чтобы завершить текущий учебный год, перед вузами и властями встает также ряд вопросов долгосрочного характера, о которых мы и поговорим в этой статье.

Новый взгляд на международное высшее образование

Поскольку мобильность в настоящий момент ограничена, многие студенты вынуждены заново задуматься о том, действительно ли международное образование так ценно. А у специалистов в сфере образования появился шанс внести изменения в предлагаемый ими образовательный продукт. Слишком долго мерилом мировой гонки за лучшими кадрами считалось количество международных студентов в той или иной системе высшего образования и размер их материального вклада в экономику принимающей страны.

Сложившаяся сейчас ситуация благоприятствует дистанционному обучению и создает стимулы для учебы поближе к дому, но еще она дает шанс пересмотреть значение международного образования, каким его видят студенты. Речь не только о проценте студентов, успешно завершающих обучение, о трудоустройстве или о том, какой это судьбоносный опыт — учеба за рубежом. Уровень экологической сознательности космополитичных студентов растет, и их образовательный выбор обусловлен уже не только карьерными перспективами. В будущем такие факторы, как углеродный след вуза и его вклад в устойчивое развитие планеты, могут стать для абитуриентов решающими. Вопрос в том, будут ли подобные изменения обусловлены спросом или же вузы сами возглавят этот процесс.

Многие страны слишком долго руководствовались соображениями наращивания экспорта при разработке стратегии развития международного образования. Да и у многих вузов слишком упрощенный подход к развитию стратегии интернационализации, зачастую не учитывающий принципиально важную информацию о ситуативных факторах, влияющих на спрос и предложение на рынке высшего образования. Растет значение внутренней интернационализации, которая помогает вузам готовить из студентов граждан мира, что особенно актуально для учащихся, не имеющих опыта международной мобильности.

Университеты всегда оставались посредниками международного сотрудничества, даже во времена мировых конфликтов и нестабильности. В настоящее время, когда международные процессы оказались под угрозой, особенно важна роль университетов как «социально значимых организаций глобального значения», которые ставят глобальные общественные и экологические интересы выше собственной экономической выгоды. А поскольку в сферу задач вузов также входит образование и подготовка ответственных граждан, то им принадлежит первостепенная роль в распространении идей инклюзивности, доступности качественного образования и экологичности. Причем эта роль станет еще более заметной на фоне усиления социально-экономического неравенства в мире.

Востребованность на местном уровне

Может ли международное образование, международный диплом оказаться востребованным и полезным на местном уровне и как достичь баланса? На протяжении десятилетий благодаря транснациональному образованию можно было получить международный диплом, обучаясь при этом в родной стране. Подобный образовательный формат особенно актуален в условиях ограничения мобильности и свободы передвижения. Роль местных партнеров особенно важна с учетом того, что они могут обеспечить более гибкий подход к образовательному процессу: например, найти при необходимости местных преподавателей или помочь с организацией онлайн-обучения на местах. Вследствие кризиса, вызванного пандемией

COVID-19, некоторые вузы даже взяли на себя организацию стажировок для студентов в их же стране проживания продолжительностью в семестр или даже дольше, пока ситуация с передвижением по миру не улучшится.

На фоне вызванного пандемией экономического спада популярность экономических программ обучения за рубежом наверняка возрастет, потому что рецессия ударит по кошельку многих семей со средним достатком, которые хотели бы дать своим детям возможность поучиться за границей. Образование недалеко от дома — это еще и возможность для большего вовлечения студентов в жизнь местного сообщества путем активизации образовательных партнерских сетей.

Однако не стоит думать, что интернационализация и востребованность на местном уровне — взаимоисключающие понятия. «Будущее сферы труда» и Четвертая промышленная революция смещают акценты на навыки межличностного общения, в особенности на такие личностные качества, как адаптивность и умение выпускников выявлять взаимосвязи. Востребованность подобных навыков заставляет вузы создавать динамичную образовательную среду, в которой студенты вынуждены выходить из зоны комфорта ради того, чтобы думать, вести изыскания и экспериментировать со знаниями, не ограничиваясь местным контекстом.

Экологические соображения

Взаимодействуя с иностранными студентами, которые находятся в родных странах, вузы существенно сокращают свой углеродный след. Многие вузы уже внедряют инновационные форматы преподавания и системы оценки и контроля качества дистанционных образовательных программ.

Пандемия дала нам ясное представление о масштабах негативного воздействия высшего образования на окружающую среду, особенно в контексте студенческой и академической мобильности. И хотя погружение студентов в зарубежную образовательную среду, безусловно, ценно и оправданно, сейчас уже многие согласятся, что существенную долю академической мобильности можно было бы перевести в формат онлайн-сотрудничества.

Что дальше?

Международная студенческая мобильность — это ценный элемент международного высшего образования. Но, учитывая расходы и риски, сопряженные с обучением за рубежом, подобный опыт должен быть для студента действительно чем-то уникальным. Университеты должны активнее и без экивоков выполнять свою роль социально значимых организаций глобального значения. Они должны взять на вооружение идеи, связанные с воспитанием гражданственности, и готовить из студентов ответственных граждан мира, которые понимают ключевые приоритеты общества двадцать первого века, придерживаются их и способствуют их распространению.

Может ли международное образование, международный диплом оказаться востребованным и полезным на местном уровне и как достичь баланса?

Даже сейчас деление на различные формы образования (например, международное, дистанционное), а также их субъективная ценность зависят от местонахождения учащегося. Однако международное высшее образование еще не гарантирует получение опыта интернационализации. А опыт интернационализации вполне можно получить, участвуя в местном вузе. Таким образом, требуется пересмотреть международное высшее образование так, чтобы воспитание студентов как ответственных граждан мира вне зависимости от их местоположения стало одной из его ключевых задач. В идеале подобное образование должно осуществляться в контексте родной среды, иметь глобальный профиль и отвечать потребностям и притязаниям разнопланового студенческого контингента. Для того чтобы международное высшее образование и в будущем оставалось востребованным, оно должно перейти на глобальную модель предоставления услуг, учитывать проблемы окружающей среды и быть нацеленным на содействие устойчивому развитию и воспитанию гражданственности.

Германия: развитие интернационализации

Суде Пекшен и Людвика Лейшите

Суде Пекшен — исследовательница и аспирантка Центра высшего образования Технического университета Дортмунда (Германия).

E-mail: sude.peksen@tu-dortmund.de.

Людвика Лейшите — заместительница директора того же центра, профессор наук о высшем образовании.

E-mail: liudvika.leisyte@tu-dortmund.de.

В последние годы Германия заняла четвертое место в мире среди стран, пользующихся наибольшей популярностью у международных студентов. Федеральное

правительство Германии придает большое значение интернационализации высшего образования и последовательно предпринимает шаги, направленные на поддержку вовлеченных в эту сферу акторов. Деятельность ведется преимущественно в рамках Немецкой службы академических обменов (DAAD).

Интернационализация высшего образования в Германии: фундаментальные ценности

В основе политики федеральных властей — понимание ценности высшего образования как всеобщего блага и продвижение принципов интернационализации через сотрудничество, что способствует укреплению академической свободы, содействует развитию и обеспечивает возможности для участия в поиске решений глобальных проблем. Федеральная стратегия интернационализации, принятая в 2017 году, содержит пять основных целей: повышение качества высшего образования в стране через международное сотрудничество; укрепление инновационного потенциала Германии на международном уровне; расширение международных возможностей для образования и переподготовки кадров; формирование международного информационного общества совместно с развивающимися странами и странами с переходной экономикой; коллективное преодоление глобальных проблем.

В соответствии с этим была разработана новая стратегия DAAD до 2025 года, в которой тоже акцентируются вышеупомянутые ценности и подчеркивается важность международных программ мобильности и обмена, международного научного взаимодействия и сотрудничества и роль отдельных стран в содействии глобальному развитию и мирному существованию. На реализацию масштабных задач выделяются внушительные средства, распределять которые будут DAAD, Немецкое научно-исследовательское общество (DFG) и федеральное министерство и которые будут потрачены на международные проекты и мероприятия, проводимые исследовательскими организациями и вузами. Финансирование международных проектов в Германии возросло с 567 миллионов евро в 2009 году до 1,05 миллиарда евро в 2019 году.

В соответствии со стратегией DAAD вузы Германии и исследовательский сектор работают над повышением своей привлекательности в мире, чему способствует тот факт, что высшее образование в стране практически бесплатное, а обмену знаниями уделяется большое внимание. Германия серьезно относится к тому, чтобы помогать иностранным студентам поддерживать высокую академическую успеваемость, и к повышению доли иностранцев среди сотрудников вузов до целевого значения в 15% путем размещения информации о вакансиях на международных площадках. Информационные и маркетинговые кампании DAAD последних лет были направлены на продвижение

первоклассных научных исследований, развитие международных партнерств через совместные образовательные программы и финансовую поддержку филиалов немецких вузов в других странах (например, в Таиланде, Египте, Бахрейне). DAAD позиционирует себя как лидера в сфере дискурса по интернационализации и как влиятельного агента в области научной дипломатии. В 2019 году общий бюджет DAAD составил 594 миллиона евро, стипендиатами организации стали 145 659 студентов, выпускников и сотрудников вузов, среди них 60 581 человек — представители иных стран и 85 078 человек — жители Германии. Однако реализация всех этих амбициозных планов во многом зависит от вовлеченности региональных систем образования (на уровне 16 федеральных земель) и отдельных вузов.

Меры, принимаемые на уровне федеральных земель

Изучение сравнительной статистики о входящей мобильности в разных федеральных землях Германии за зимний семестр 1998/99 и 2019/20 учебного года позволяет сделать вывод, что в целом количество международных студентов возросло во всех землях. Наибольший прирост наблюдался в восточных землях, составлявших некогда территорию ГДР (в Тюрингии доля иностранных студентов выросла за рассматриваемый период с 4 до 15%, в земле Саксония-Анхальт — с 4 до 16%, в Саксонии — с 6 до 17%, а в столице страны Берлине — и вовсе с 13 до 22%). Есть, однако, различия в стоимости обучения. В большинстве федеральных земель высшее образование для иностранцев бесплатное, но некоторые земли ввели плату для иностранцев: так, вузы Баден-Вюртемберга взимают с иностранцев, не являющихся гражданами ЕС, полторы тысячи евро в год, начиная с зимнего семестра 2017/18 учебного года, а Бавария взимает плату лишь со студентов, которые на постоянной основе учатся в филиалах баварских вузов за пределами ЕС (например, в расположенном в Сингапуре Мюнхенском техническом университете в Азии). Также видно, что у разных вузов разные стратегии в отношении международных филиалов, найма иностранных ученых и поддержки студентов-беженцев через различные программы финансирования, субсидируемые государством. Все эти меры свидетельствуют о том, что федеральные земли используют свою мягкую силу, не ограниченную четкими рамками юридических конструкций, являющихся инструментами жесткой силы.

Более пристальный взгляд на законодательство 16 федеральных земель позволяет нам заметить, что продвижением интернационализации занимаются преимущественно местные министерства образования, которые заключают с вузами соглашения о планируемых результатах работы, а общие юридические рамки задают законы. К примеру, в земле Мекленбург – Передняя Померания в 2019 году был принят

новый закон об улучшении качества вузов, направленный на повышение их привлекательности для международных студентов и ученых, а в земле Рейнланд-Пфальц согласно закону 2020 года скоро будет создан Форум по вопросам высшего образования, который займется налаживанием сотрудничества в области интернационализации между федеральной землей и вузами.

Важно отметить, что соглашения о планируемых результатах работы между министерствами и вузами влияют на финансирование последних — иными словами, здесь ставки вполне понятны. Власти Гамбурга, к примеру, недавно заключили подобное соглашение с Гамбургским техническим университетом, и оно предполагает введение 10-процентной квоты для входящих и исходящих студентов. А власти Баварии заключили соглашение с Мюнхенским техническим университетом, согласно которому предполагается увеличить к 2022 году количество студентов из Северной Америки.

В соответствии со стратегией DAAD вузы Германии и исследовательский сектор работают над повышением своей привлекательности в мире, чему способствует тот факт, что высшее образование в стране практически бесплатное, а обмену знаниями уделяется большое внимание.

Перспективы интернационализации высшего образования в Германии

Учитывая текущую стратегию федерального правительства, стратегию DAAD, целенаправленную политику властей по поддержке интернационализации, воплощающуюся в выделяемых на это существенных средствах, и общее повышение внимания к интернационализации во всех федеральных землях, можно сделать вывод, что правительство Германии и все затрагиваемые круги действительно серьезно настроены на укрепление международной конкурентоспособности страны в плане высшего образования, науки и инноваций. Похоже, что Германия

удерживает лидирующие позиции в мире, обусловленные давними традициями, пользуясь инструментами и мягкой, и жесткой силы, в зависимости от уровня принятия решений. Меры, направленные на продвижение интернационализации, заметны и на уровне законов, принимаемых федеральными землями; соответственно, в какой-то мере используется и подход, основанный на жесткой силе и предполагающий использование инструментов принуждения. На федеральном уровне разрабатываются поддерживающие меры необязательного характера, такие как рекомендации, стратегические руководства и инструменты финансовой политики, которые тоже содействуют интернационализации. Иными словами, на федеральном уровне используется подход, основанный на мягкой силе и предполагающий включение интернационализации в политическую повестку дня, проведение сравнительного анализа и использование инструментов информационной политики. Можно также заметить, что важным двигателем изменений на уровне федеральных земель и на уровне вузов, например в плане введения платы за обучение или активизации работы по привлечению иностранных студентов и ученых, является конкуренция, причем явным лидером здесь выступает Берлин.

Из-за пандемии COVID-19 дальнейшее развитие интернационализации представляется в высшей степени непредсказуемым и сопряжено с серьезными трудностями. Некоторые страны перестали впускать иностранцев, а DAAD не рекомендует поездки в зоны повышенного риска. Текущая ситуация указывает на то, что законодатели и фонды, возможно, начнут предпринимать новые шаги по продвижению интернационализации в виртуальном пространстве. При этом общий подход Германии к интернационализации в ближайшие годы вряд ли изменится, потому что цели, связанные с развитием сотрудничества, академических свобод и содействием мировому развитию, глубоко укоренены в принятом в стране отношении к высшему образованию как к общественному благу.

Разработка стратегии интернационализации в ЮАР

Нико Йосте и Корнелиус Хагенмайер

Нико Йосте — старший управляющий Африканского центра интернационализации высшего образования и научный сотрудник Университета Фри-Стейта (Блумфонтейн, ЮАР). E-mail: nico@afric.ac.za.

Корнелиус Хагенмайер — директор управления международных отношений Университета Фри-Стейта и член правления Африканского центра интернационализации высшего образования. E-mail: hagenmeiercca@ufs.ac.za.

Стратегия, задающая направление интернационализации высшего образования в ЮАР, в методологических выводах доклада Национальной комиссии по высшему образованию за 1996 год отсутствовала. Однако в этом докладе было сказано, что после завершения периода относительной изоляции южноафриканской системы высшего образования придется научиться готовить кадры, обладающие востребованными навыками, и заниматься технологическими инновациями, необходимыми для успешной интеграции страны в мировой рынок. Интернационализацию высшего образования оставили на усмотрение университетского сектора, а национальное правительство занялось другими делами, направленными на превращение раздробленной и разделенной по расовому признаку образовательной системы в унитарную.

В 2003 году прошла конференция Южно-Африканской ассоциации международного образования, которая показала, что система высшего образования нуждается в национальной стратегии развития. Выводы в пользу подобной национальной стратегии — превращение образования в международный феномен; необходимость удовлетворить потребности регионального уровня, в частности в рамках Сообщества развития Юга Африки, и решить проблемы, встающие в контексте Нового партнерства для развития Африки, а также Африканского союза; потребность решить кадровые вопросы в стране, возникающие на фоне глобализации. Однако национальное управление по вопросам высшего образования приступило к разработке подобной стратегии лишь в 2012 году.

Разработка рамочной концепции шла при активном участии общественности. Национальное управление по вопросам высшего образования привлекло местных и международных экспертов к подготовке первого варианта документа. Проводились встречи

с представителями государственных университетов ЮАР, чтобы обсудить их предложения относительно структуры будущей рамочной концепции. В процессе подготовки документа учитывалось мнение вузов и южноафриканских и международных экспертов, проводились публичные открытые встречи, чтобы объяснить, что новая стратегия призвана будет работать как рулевой механизм.

Рамочная концепция

В основе рамочной концепции лежит принятый в 2012 году Национальный план развития 2012 года и другие стратегические документы национального значения. Таким образом страна показывает, что приводит в исполнение обязательства, которые она на себя взяла, подписав в 1997 году Протокол об образовании и подготовке кадров Сообщества развития Юга Африки. Новый документ призван задать «рамки для интернационализации высшего образования, ориентируясь на которые и в соответствии с которыми вузы могли бы разрабатывать собственные институциональные стратегии интернационализации». Все южноафриканские вузы должны разработать собственную стратегию или план интернационализации и обеспечить соответствующую административную поддержку. Особое значение придается укреплению интернационализации в вузах, долгое время находившихся в силу исторических обстоятельств в невыгодном положении.

Обязанность вузов учитывать национальные приоритеты уравнивается за счет гарантированной Конституцией академической свободы. Структурно национальная политика в сфере интернационализации высшего образования основана на принципах взаимопомощи, взаимодополняемости, качества, нормативно-правового соответствия и этичности. Правительству не дозволяется управлять интернационализацией напрямую, оно скорее должно стимулировать ее и создавать необходимые условия. Вузы должны отчитываться о своих достижениях в области интернационализации в традиционных ежегодных отчетах, сопоставляя полученные результаты с целями, которые они сами себе поставили.

Одним из приоритетов национальной стратегии признается интернационализация науки. Интернационализация должна идти на пользу всем студентам, а не только тем, кто участвует в программах мобильности, поэтому внутренняя интернационализация тоже названа в качестве приоритета, а интернационализация учебных планов и вовсе стала обязательной. Еще многие видят в интернационализации возможность познакомиться международное сообщество с местными знаниями и традиционными знаниями коренных народов, поэтому вовлечение местных сообществ в интернационализацию высшего образования также поощряется.

При реализации программ международной студенческой мобильности обязательно строго соблюдать этические нормы. Принятая рамочная концепция задает правила для трансграничных и партнерских образо-

вательных программ, причем открывать филиалы за рубежом допускается лишь частным вузам. В принципе, программы, реализуемые совместно несколькими вузами, разрешены, пока за контроль качества образования и выдачу диплома отвечает один из них, а вот программы двойных дипломов запрещены. Привлечение финансов на международную деятельность считается прерогативой вузов, приветствуется «перевод вузами своей международной деятельности на самообеспечение».

Когда в апреле 2017 года был опубликован первый проект стратегии, у вузов ЮАР появилась надежда, что наконец появятся какие-то единые руководящие принципы и что в новой стратегии будет заложена нормативная база, которая позволит наконец открывать международные программы двойных дипломов. Предполагалось также, что новая стратегия поможет исторически обделенным вузам взять на себя более важную роль в интернационализации высшего образования, однако из-за задержек с реализацией этой стратегии между вузами сохранились различия времен апартеида.

**Интернационализация
должна идти на пользу всем
студентам, а не только тем,
кто участвует в программах
мобильности.**

Неравенство сохраняется

Наличие проблем явно иллюстрируется таким показателем интернационализации, как количество иностранных студентов. Если сравнить данные по исторически белым вузам и по историческим черным вузам, то складывается следующая картина. По состоянию на 2018 год в исторически черных вузах училось 23% от общего числа южноафриканских студентов, но лишь 9% иностранных студентов. Причем доля иностранцев, обучающихся в этих вузах, от общей доли международных студентов в стране с каждым годом снижается. В 2018 году иностранцы составляли всего 2,5% от общего числа студентов в исторически черных вузах — существенно ниже среднего показателя по стране, составляющего 7%. А в исторически белых вузах соотношение местных студентов и иностранных составляло десять к одному. Более того, в исторически белых вузах училось более 60% всех международных студентов в стране. Это одно из проявлений неравенства, унаследованных от прошлого. Это также тесно связано с системой управления вузами и с тем, могут ли они вообще позволить себе воспользоваться международными возможностями.

Вузы по-прежнему у руля

Перестановки в государственных органах, расхождения во взглядах между представителями вовлеченных сторон, пандемия COVID-19 — все это привело к проволочкам с доработкой рамочной концепции. Но даже несмотря на отсутствие формализованной национальной стратегии многие университеты и так занялись усилением внутренней интернационализации и интернационализацией учебных планов и подстроили свои институциональные стратегии под имеющийся предварительный документ. Вузы укрепляют внутреннюю инфраструктуру и разрабатывают процедуры отчетности в области интернационализации. Некоторые из них даже пытаются вовлечь в интернационализацию местное сообщество. Таким образом, проект рамочной концепции уже внес существенный вклад в интернационализацию высшего образования в ЮАР, а некоторые университеты уже готовы реализовывать итоговую стратегию на практике. Окончательный вариант стратегии был опубликован в начале ноября 2020 года, что является залогом того, что интернационализация станет одним из основных факторов, которые приведут к качественным изменениям в южноафриканской системе высшего образования. Впрочем, реальный эффект новой стратегии можно будет оценить лишь через несколько лет. Следующая задача, которая теперь стоит перед национальным управлением по вопросам высшего образования, — разработка практического плана действий. В случае успешной реализации новая стратегия поспособствует преодолению исторически обусловленного неравенства в сфере интернационализации высшего образования в ЮАР и, возможно, послужит другим развивающимся странам примером того, как заниматься интернационализацией.

Интернационализация и новая образовательная политика Индии

Н. В. Варгхесе и Эльдхо Мэтьюз

Н. В. Варгхесе — проректор, директор Центра исследований политики высшего образования Национального университета планирования и управления в образовании (CPRHE/NIEPA), Нью-Дели (Индия). E-mail: nv.varghese@niepa.ac.in.

Эльдхо Мэтьюз — заместитель главного советника Управления международного сотрудничества Национального университета планирования и управления в образовании, Нью-Дели (Индия). E-mail: eldho@niepa.ac.in.

Хотя глобализационные волны, похоже, отступают, призывы к интернационализации звучат все чаще. Для многих стран интернационализация — это воплощение стратегии повышения академического авторитета и международной конкурентоспособности своей образовательной системы. Интернационализация предполагает мобильность образовательных программ, студентов, вузов, преподавателей. Трансграничная мобильность опирается на экономические предпосылки и опосредована рыночными процессами.

Мы утверждаем, что в Индии меры по интернационализации высшего образования, похоже, продиктованы не рыночными процессами, а стремлением усилить роль страны на мировой арене и укрепить ее гуманитарное влияние за рубежом. Это отражается и в принятой в 2020 году программе «Новая образовательная политика» (NEP 2020), один из приоритетов которой — интернационализация высшего образования с целью повышения привлекательности индийских вузов за рубежом и содействия появлению в Индии иностранных учебных заведений.

Индийский подход к интернационализации

В стратегии развития Индии в период после обретения независимости особое внимание уделялось политическому суверенитету и экономической самодостаточности страны. Последнее предполагало технологическую самодостаточность, в связи с чем в стране стали появляться технические вузы. При создании сети Индийских технологических институтов Индии пришлось полагаться на иностранное финансирование и компетенции и отправлять первое поколение будущих вузовских преподавателей на учебу за границу. Так, Советский Союз помогал создавать Индийский технологический институт в Бомбее (нынешний Мумбаи), а аналогичные вузы в Мадрасе (ныне Ченнаи) и Дели были открыты при поддержке ФРГ и Великобритании соответственно.

Индийский совет по культурным связям ежегодно выделяет гражданам примерно 140 иностранных государств около 3940 стипендий с целью развития межкультурного взаимопонимания. Кроме того, Индия подписала с 54 странами договоры о сотрудничестве в сфере образования. Тем не менее Индии потребовалось десять лет на разработку четкой стратегии интернационализации. Два предыдущих стратегических документа в области образования (один был принят в 1968 году, другой в 1986-м) практически не касались этой темы. Впервые стратегия интернационализации была сформулирована в 2002 году, когда Комиссия по университетским грантам (UGC) представила программу «Продвижение индийского высшего образования за рубежом» (PIHEAD). Ходу этой программе не дали, потому что специально созданная в 2004 году тематическая рабочая группа не захотела, чтобы индийская система высшего образования выходила на высококонкурентный мировой рынок на условиях

Генерального соглашения по торговле услугами (ГАТС) Всемирной торговой организации. План UGC по развитию интернационализации от 2009 года тоже был обречен из-за отсутствия соответствующих законодательных актов. В 2010 году в парламент Индии был внесен законопроект, который позволял иностранным поставщикам образовательных услуг открывать в стране вузы. Но и он был отклонен.

«Новая образовательная политика» — первый национальный стратегический документ, где интернационализация обозначена в качестве приоритета. Согласно этому документу Индия должна стать привлекательной для студентов со всего мира, она должна стать международным образовательным центром. «Новая образовательная политика» отражает радикальную смену политического курса, потому что содержит рекомендацию открывать в стране филиалы ведущих иностранных университетов (входящих в первую сотню мировых вузов согласно различным международным рейтингам).

В Индии меры по интернационализации высшего образования, похоже, продиктованы не рыночными процессами, а стремлением усилить роль страны на мировой арене и укрепить ее гуманитарное влияние за рубежом.

Новая программа предполагает также, что ведущие вузы Индии начнут открывать собственные филиалы в других странах. У многих частных университетов Индии уже есть филиалы в ряде иностранных государств. По последним данным исследовательской группы C-BERT, филиалы индийских вузов есть в Австралии, ОАЭ, Непале, Сингапуре, Узбекистане и Шри-Ланке, а также на Маврикии. Благодаря новой программе отныне некоторые государственные и частные вузы Индии получают право работать в других странах. По новым правилам Комиссии по университетским грантам, принятым в январе 2021 года, в стране появилась новая категория вузов — «превосходные вузы, эквивалентные университетам»; они-то могут открывать филиалы за границей — с согласия властей. Новая программа также делает акцент на либерализации законодательства, регулирующего деятельность международных филиалов вузов, и на

расширении возможностей для перезачета кредитов (между индийскими и иностранными вузами), что может нарастить входящие и исходящие студенческие потоки.

Ожидания и реальность

В программе NEP 2020 прописано, что право открывать в Индии свои филиалы получают только лучшие иностранные вузы, занимающие верхние позиции в международных рейтингах, и это может стать ограничивающим фактором для развития институциональной мобильности в Индии. Более того, из неформальных бесед с представителями лучших мировых вузов ясно, что открыть филиалы в Индии хотят лишь немногие, и тому есть несколько причин. Во-первых, эти вузы, скорее всего, предпочтут тратить силы на удержание или повышение своего места в международных рейтингах. Во-вторых, решение об открытии зарубежного филиала всегда принимается с учетом рентабельности требуемых капиталовложений, но пока непонятно, смогут ли индийские филиалы иностранных вузов самостоятельно устанавливать цены на обучение. В-третьих, по-прежнему неясны правовые нормы, касающиеся вывода прибыли, извлекаемой иностранными поставщиками образовательных услуг, за границу. В-четвертых, многим первоклассным мировым вузам выгоднее принимать студентов из Индии в своих странах, чем открывать филиалы.

Как новая политика повлияет на потоки студенческой мобильности? По данным Института статистики ЮНЕСКО, в 2018 году за пределами своей страны училось 375 055 граждан Индии. Многими из них двигало желание трудоустроиться в принимающей стране по окончании учебы. Так что наиболее популярные направления среди индийских студентов — США, Великобритания, Австралия и Канада. Эти люди готовы много заплатить за свое образование и рассчитывают впоследствии на потенциально высокую отдачу. Диплом индийского филиала иностранного вуза вряд ли поможет им удовлетворить их амбиции и устроиться на высокооплачиваемую работу по окончании учебы.

Помогут ли Индии рекомендации, содержащиеся в программе NEP 2020, стать привлекательной в плане высшего образования страной? Сейчас там учится около 47 тысяч иностранных студентов преимущественно из Южной Азии и Африки. Многие из них приехали в Индию за дешевым и более качественным, чем на родине, высшим образованием. Но возможностей для трудоустройства у иностранцев в Индии очень мало, а даже когда они есть, зарплаты вряд ли можно назвать привлекательными. Иными словами, индийских студентов гонят за рубеж экономические механизмы, но такое объяснение вряд ли применимо к иностранцам, приезжающим учиться в Индию.

Индия хочет занять заметное место на мировой арене, и образовательный сектор мог бы в этом помочь.

Поэтому-то в последние годы Индия предпринимает серьезные усилия для привлечения студентов из-за рубежа: например, в 2018 году для этого была запущена стипендиальная программа Study in India. Планируется, что к 2024 году в Индии будет учиться почти полмиллиона международных студентов, причем 10% из них — по заманчивой государственной стипендиальной программе. Введение стипендий указывает на то, что Индия действительно заинтересована в том, чтобы стать поистине глобальным игроком.

Еще одно направление новой образовательной политики — это развитие международного научного сотрудничества и академических обменов между индийскими и иностранными вузами. В 2018 году правительство Индии запустило программу по продвижению академического и исследовательского сотрудничества SPARC, направленную на укрепление научных связей с рядом иностранных государств. В 2015–2019 годах была успешно реализована еще одна программа — «Глобальная инициатива по развитию академических сетей» (GIAN), благодаря которой вузам Индии удалось привлечь 1283 иностранных ученых из 56 стран. Подобные формы сотрудничества считаются надежным и стабильным способом развития интернационализации.

Заключение

Чтобы реализовать новые цели, Индия должна будет сначала принять соответствующие законодательные меры и разработать стимулы для привлечения внимания иностранных вузов и студентов. Хотя огромная индийская диаспора за рубежом (в особенности в странах Персидского залива) — надежный источник спроса на международное образование, Индия сможет стать центром международного высшего образования, только когда туда начнут приезжать студенты из широкого круга стран. И хотя Индия вряд ли выиграет от трансграничной мобильности, обусловленной рыночными факторами, правительственные инициативы типа расширения стипендиальной программы для иностранцев могут принести определенные успехи. К тому же онлайн-курсы, доступные на индийских MOOC-платформах, таких как SWAYAM, теоретически могут привлечь множество иностранных студентов. Совершенно очевидно, что пандемия COVID-19 способствовала существенному распространению онлайн-образования как в Индии, так и за рубежом. И Индия могла бы извлечь для себя выгоду из этих новых реалий.

Чего ждать британскому высшему образованию после Брексита?

Энн Корбетт

Энн Корбетт — старший научный сотрудник центра LSE Consulting при Лондонской школе экономики и политических наук (Великобритания). E-mail: a.corbett@lse.ac.uk.

Предыдущие версии этой статьи уже публиковались в LSE Brexit blog и University World News.

С юридической точки зрения сделка по выходу Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии из Европейского союза завершена. Она состояла из трех частей, и все они глубоко затронули британское высшее образование и науку. Сделка включала два международных соглашения между Великобританией и ЕС, а ее третья часть была связана с вопросами национального уровня — с ролью премьер-министра Бориса Джонсона и назначенного им правительства.

Сделка с ЕС

В Соглашении о выходе Великобритании из ЕС прописаны условия отделения, которые лишили Великобританию четырех основополагающих для Евросоюза свобод: речь про свободу движения товаров, лиц, услуг и капитала. Британцы лишились и прав, которые автоматически принадлежали им на протяжении почти 50 лет членства Великобритании в ЕС: права беспрепятственно учиться, жить и работать в любой стране ЕС. Попрощаться пришлось и, например, с автоматическим взаимным признанием профессиональных квалификаций, которое напрямую связано со свободой экономической деятельности.

В Соглашении о торговле и сотрудничестве закреплены результаты политической сделки между Великобританией и ЕС. В нем прописаны условия торгового и политического сотрудничества с Европейским союзом. Соглашение также затрагивает тему образования и науки, что важно для сектора высшего образования.

Соединенное Королевство продолжит участвовать в «Горизонте» — чрезвычайно важной программе Евросоюза, направленной на развитие науки и инноваций, а также останется членом ряда узкоспециализированных научных ассоциаций, включая Евратом, ИТЭР (проект международного экспериментального термоядерного реактора) и европейскую программу космического наблюдения за Землей «Коперник». Решение по программе «Горизонт» (которая с недавних пор называется «Горизонт Европа») особенно ценно в свете недавней реформы Евросоюза в области интернацио-

нализации, так как, как только будет решен вопрос о размерах финансового вклада Великобритании, она сможет вернуться в программу практически на тех же условиях, что и раньше. Это включает в себя гарантированный доступ к грантам Европейского исследовательского совета и стипендиям программы имени Марии Склодовской-Кюри. Решение относительно участия Великобритании в «Горизонте» особенно благоприятно для представителей гуманитарных и социальных наук, потому что на национальном уровне они обычно оказываются в худших условиях, чем представители естественных, инженерно-технических и математических наук. Кроме того, в рамках программы «Горизонт» выделяется финансирование на поддержку таких непопулярных областей, как археология или античная литература, а также узкоспециализированных учебных заведений, обучающихся, например, художников и музыкантов.

Соглашение по программе «Эразмус» не достигнуто, несмотря на все заверения британского правительства. Вместо этого оно запустило собственную программу, пусть и более скромную (подробнее см. статью Хиберта и Района в этом же журнале). На помощь Северной Ирландии пришла Республика Ирландия, которая пообещала обращаться со студентами из Северной Ирландии так же, как с собственными гражданами. Шотландия и Уэльс тоже думали о том, как бы им остаться членами программы «Эразмус», но их мечтам не суждено было сбыться.

Иммиграционная политика

До Брексита британский сектор высшего образования был глубочайшим образом вовлечен в международные связи. И хотя с Брекситом правила игры изменились, как именно они скажутся на количестве студентов и ученых, желающих приехать в Великобританию, пока неясно.

По статистике национальной ассоциации вузов Universities UK за 2017 год (то есть до пандемии COVID-19), Великобритания являлась одним из мировых лидеров в сфере интернационализации. Иностранцы составляли почти 21% от 2,4 миллиона обучавшихся в стране студентов, преподавателей и исследователей. 91 000 из них — граждане Китая, примерно столько же было в общей сложности граждан других стран ЕС, а американцев всего около 16 700. Среди преподавателей и исследователей доля иностранцев достигала почти 30%.

Теперь всем, кто хочет приехать в Великобританию больше чем на три месяца, придется получать визу. Всем иностранцам, которые хотели бы учиться или работать в британских университетах, придется соблюдать новые иммиграционные правила. Для представителей академической среды предусмотрено три типа виз: студенческие визы; визы для квалифицированных работников; визы для талантов международного уровня. Власти также готовятся ввести новый тип визы для иностранцев — выпускников британ-

ских вузов. Все граждане стран ЕС, обосновавшиеся в Великобритании до 31 декабря 2020 года, должны будут подтвердить свой резидентский статус.

Новые студенты — граждане ЕС отныне должны будут платить за образование в Великобритании столько же, сколько все остальные международные студенты, однако граждане ЕС и их дети, которые уже живут в Великобритании, получают право оплачивать образование по домашним тарифам. Однако есть еще ряд деталей, которые требуют уточнения. Лучший источник актуальной информации на эту тему — сайт Universities UK. На граждан Великобритании, которые хотели бы учиться или заниматься наукой в странах Европейского союза, распространяются правила принятой еще в 2018 году директивы ЕС об ученых, студентах и стажерах из третьих стран. Эта директива была принята в рамках политики по повышению привлекательности Евросоюза для лучших международных кадров.

Экономический аспект

Интернационализация всегда была одним из основных источников финансирования высшего образования Великобритании. Деньги, которые платят иностранные студенты, идут на поддержку британского образования и науки. Сейчас в Великобритании более 400 000 международных студентов, еще 666 000 студентов обучаются на программах, позволяющих получить британский диплом о высшем образовании, но при этом находятся за рубежом (49% из них — в Азии). Феномен транснационального образования выражается в форме международных филиалов вузов, партнерств между британскими и иностранными вузами и т.д. Сейчас британский сектор высшего образования зарабатывает 10,8 млрд фунтов стерлингов в год. Это почти вдвое больше, чем в 2013 году. А благодаря международной деятельности вузов появилось более 200 000 рабочих мест.

Соединенное Королевство продолжит участвовать в «Горизонте» — чрезвычайно важной программе Евросоюза, направленной на развитие науки и инноваций...

Брексит послужил для британского правительства стимулом к дальнейшему развитию интернационализации. Когда запрос Великобритании на присоединение к Всеобъемлющему и прогрессивному соглашению о Транстихоокеанском партнерстве будет одобрен,

высшее образование обязательно будет включено в новые и обновленные торговые сделки, призванные помочь стране переориентироваться с Европы в сторону Тихоокеанского региона. Хотя Транстихоокеанское партнерство наверняка будет активно развиваться, пока между ним и ЕС наблюдается огромный дефицит торгового баланса. Пока только 8% торговли товарами и 9% торговли услугами в Великобритании приходится на страны Транстихоокеанского партнерства. Главным торговым партнером Великобритании остается ЕС: именно с ним происходит 43% товарообмена.

Британское высшее образование после Брекзита

После Брекзита основополагающим документом британской образовательной политики стал закон 2017 года о высшем образовании и науке. Этот закон предусматривает более строгий государственный контроль над сектором высшего образования с целью повышения конкурентоспособности британских вузов на национальном и международном уровне.

Благодаря этому закону правительство сможет стратегически заняться поддержкой науки. Для этого законом предусмотрено слияние давно сложившихся и долго просуществовавших специализированных (предметных) исследовательских советов в единый орган — автономную неправительственную организацию UK Research and Innovation. Закон 2017 года также создал стимулы для новых игроков в сфере образовательных услуг — или, как сказали некоторые, притормозил укрепление монополии университетов на высшее образование. Новый закон устранил противопоставление государственных вузов коммерческим. Кроме того, этим законом предусмотрено появление новой категории университетов, которые занимаются исключительно бакалаврским образованием. Таким образом, традиционная связь между образовательной и исследовательской функцией университета (в частности, на уровне подготовки аспирантов) оказалась разорвана. Отныне не все университеты будут иметь право присваивать степень PhD, что традиционно было одной из ключевых отличительных особенностей университета. Согласно новому закону за присуждение ученых степеней теперь отвечает правительство (хотя предполагается, что оно не будет вмешиваться в сложившиеся традиции, чтобы не подвергать риску автономию университетов). Студенты отныне считаются клиентами ведомства по делам студентов — нового независимого надзорного органа. А для оценки деятельности университетов теперь используется Рамочная программа по улучшению качества преподавания (TEF).

События последних почти пяти лет, прошедших после референдума о выходе Великобритании из ЕС, показывают, что политика в отношении науки будет, скорее всего, мягче, чем политика в отношении образования. Перед присоединением к семилетней программе «Горизонт» правительство Великобритании послушалось

совета экспертов, подготовивших доклад “Changes and Choices” о том, что в условиях Брекзита политика в области науки должна быть направлена в первую очередь на снижение ущерба, а не на смену курса. Ключевые слова в докладе — «стабилизация», «переход», «видение». Однако аналогичного стратегического доклада о других направлениях работы университетов, который бы помог облегчить переход к новым реалиям после отделения Великобритании от ЕС, нет.

Скорее всего, Брекзит только ускорит изменения в университетском секторе, заложенные законом 2017 года, а именно увеличение разрыва между исследовательскими университетами международного значения и всеми остальными. Однако будущее университетов также будет зависеть от того, воспользуются ли они новыми возможностями в сфере торговли услугами. Британским университетам, которые традиционно сплочены и преданы идеалам создания и распространения знаний, потребуется еще какое-то время, чтобы свыкнуться с последствиями Брекзита. Брекзит — это не просто отдельные юридические вопросы, это поступательный процесс.

Программа имени Тьюринга в Великобритании: новые испытания

Хосе Мария Хиберт и Алекс Район

*Хосе Мария Хиберт — ректор Университета Деусто (Бильбао, Страна Басков, Испания).
E-mail: guibert@deusto.es.*

*Алекс Район — проректор по международным отношениям Университета Деусто.
E-mail: alex.rayon@deusto.es.*

В современном мире с его четко выраженными тенденциями к унилатеральности будущее мультилатерализма представляется смутным. Тем не менее в некоторых сферах, в частности в высшем образовании, за последние три десятилетия удалось добиться значительных результатов благодаря сетевому взаимодействию вузов. Яркий пример тому — студенческая программа обменов «Эразмус». Но канун Рождества в декабре 2020 года, когда было достигнуто соглашение между Соединенным Королевством и Евросоюзом, навсегда останется в истории как день, когда Великобритания официально перестала участвовать в программе «Эразмус».

Фильм «Игра в имитацию» посвящен жизни Алана Тьюринга — знаменитого британца, родившегося в 1912 году и считающегося пионером современной информатики. Во время Второй мировой войны Тьюринг взламывал нацистские шифровки, в том числе созданные с помощью немецкой шифровальной машины «Энигма». Тот факт, что западный мир уже более 75 лет живет мирно, отчасти, безусловно, заслуга Тьюринга. Но вряд ли он мог бы себе представить, что несколько десятилетий спустя британское правительство запустит новую международную программу обмена и назовет ее в его честь.

От многосторонней программы к двусторонним соглашениям

Британский премьер-министр Борис Джонсон неоднократно подчеркивал, что программе «Эразмус», принесшей огромную социальную, культурную и образовательную пользу всей Европе и ее жителям, ничего не угрожает. Помимо распределения грантов и стипендий, программа «Эразмус» также стимулирует и упрощает развитие мобильности и способствует стандартизации институциональных процессов и перезачету кредитов между вузами из 33 стран-участниц, к которым относятся не только члены ЕС, но и другие государства, например Исландия, Норвегия, Сербия или Турция.

Конечно, существуют и двусторонние соглашения о мобильности. Однако их реализация более трудозатратна, а находить стипендии для студентов сложнее. С учетом всего этого планируется, что в Программу имени Тьюринга будет вложено 100 млрд фунтов стерлингов (около 135 млн долларов США) и что она откроет студентам двери в лучшие университеты мира. Однако реализация этой программы будет сопряжена с рядом проблем, и мы уже выявили некоторые из них. Дальше речь пойдет именно об этом.

Великобритания: грядущие проблемы

Во-первых, очевидно, что все недооценивают, как на самом деле сложно управлять системой, основанной на двусторонних соглашениях. Требуется довольно много времени, чтобы согласовать вопросы, касающиеся, к примеру, перезачета кредитов, организации необходимых для многих обменных студентов языковых курсов, графика учебного процесса и защиты персональных данных, особенно если речь идет об обменах с такими странами, как Австралия, Канада или США, у каждой из которых собственные правила, требования и академический календарь.

Во-вторых, в рамках новой программы будет, скорее всего, непросто поддерживать развитие социальной справедливости и мобильности. Польза от международного опыта подтверждается множеством эмпирических исследований: такой опыт способствует повышению уверенности в себе, делает человека более открытым и помогает ему шире смотреть на мир;

помогает наладить связи на всю жизнь; ведет к улучшению языковых навыков; заставляет человека больше ценить многообразие и способствует развитию межкультурного взаимопонимания, которое так нужно в современном глобальном мире. Доклад 2019 года о результатах программы «Эразмус+» также показывает, что наличие международного опыта увеличивает шансы на хорошую работу и более высокую зарплату. Это особенно важно для студентов из незащищенных групп. В рамках программы «Эразмус» больше всего стипендий выделяется тем, кто особенно в них нуждается, например студентам из бедных семей или людям с ограниченными возможностями здоровья.

Очевидно, что все недооценивают, как на самом деле сложно управлять системой, основанной на двусторонних соглашениях.

Чтобы результаты Программы имени Тьюринга были не хуже, британские вузы должны будут подобрать партнеров из числа иностранных университетов. Далее, ключевой принцип — это принцип взаимности. Но пока британское правительство взяло на себя обязательство лишь по финансовой поддержке исходящих студентов. Принцип взаимности является неотъемлемым элементом программ обмена, подобных «Эразмусу»; университеты очень тщательно выбирают партнеров, чтобы сбалансировать исходящие и входящие студенческие потоки. И в этом смысле Великобритания сейчас находится в невыгодном положении: стоимость жизни очень высокая, ясности со студенческими визами нет, да и Программа имени Тьюринга, похоже, вообще не предполагает оплату обучения для студентов из-за рубежа. А зачем тогда иностранным вузам сотрудничать с Программой имени Тьюринга, если их студентам не предоставят финансирования?

Еще одна проблема связана с экономической выгодой от участия Великобритании в программе «Эразмус». Согласно государственной статистике, в 2018 году благодаря экспорту образовательных услуг Великобритания получила почти 440 млн фунтов стерлингов прибыли в виде расходов иностранных студентов на проживание в стране, что на 71% больше, чем в 2010 году. Каждый год в Великобританию в рамках программы «Эразмус» приезжало около 30 000 студентов и стажеров (всего в ней ежегодно участвует порядка 200 000 студентов), и все они тратили там деньги: платили за еду, жилье и развлечения. Кроме того, Великобритания всегда была популярным направлением для

преподавателей и административных сотрудников вузов. Если говорить об исходящей мобильности, то, по данным ежегодного отчета Европейской комиссии о результатах программы «Эразмус+», в 2018/19 году в ней участвовало более 18 000 студентов и стажеров из Великобритании. Что же касается науки и инноваций, Великобритания занимает второе место по объему научного финансирования, полученного в рамках программы «Горизонт-2020».

Приведенные выше цифры показывают, что Великобритания — привлекательный образовательный партнер. Сильнейшее влияние на выбор студентами места учебы оказывает культурный и языковой фактор. Учитывая текущие условия и то, сколько времени британскому правительству понадобилось, чтобы подготовить новую инициативу, эта медлительность может отрицательно сказаться на британских вузах. Возможно, европейские студенты уже настроились на Ирландию или другие страны, например Нидерланды, которые предлагают полностью англоязычные бакалаврские и магистерские программы. Подобная «утечка» повлечет за собой серьезные испытания для британских вузов.

Великобритания планирует запустить новую программу уже в сентябре 2021 года. Но, как уже говорилось выше, налаживание партнерских отношений с вузами за пределами программы «Эразмус» — длительный процесс, требующий долгих переговоров, а это особенно трудно в условиях пандемии. Не стоит недооценивать и проблемы географического характера. Страны, которые ближе всего к Британским островам в культурном и языковом плане, находятся за пределами Европы, их разделяют океаны и континенты. А значит, неизбежны дорогие перелеты, значительная разница во времени (что затрудняет общение) и, что самое главное, различия в образовательном контексте. Кроме того, стимулируя студентов к поездкам в далекие страны, куда невозможно добраться на поезде или другом экологичном виде транспорта, правительство наносит вред окружающей среде.

Заключение

Демократия очередной раз привела к парадоксальной ситуации: молодые британцы, которые вообще не голосовали на референдуме о членстве в ЕС или голосовали против выхода, возможно, будут вынуждены заплатить за Брекзит очень высокую цену. Опыт международной мобильности — это не просто про то, чтобы провести семестр вдали от дома. Подобный опыт делает человека более открытым миру в условиях неуклонного усиления глобализации (процесс, который продолжится по окончании пандемии) и дальнейшего переплетения культур. Вот почему мы полагаем, что в сравнении с хорошо налаженной и уже зарекомендовавшей себя программой «Эразмус» новая Программа имени Тьюринга несет с собой больше проблем, нежели возможностей.

Долгая борьба за повышение академических стандартов в России

Филип Альтбах

Филип Дж. Альтбах — исследователь, профессор и заслуженный член Центра по изучению международного высшего образования Бостонского колледжа (США). Член Совета Проекта 5–100. E-mail: philip.altbach@bc.edu.

В Times Higher Education уже выходила укороченная версия этой статьи.

В 2013 году российское правительство запустило проект повышения конкурентоспособности ведущих вузов, получивший широкую известность как Проект 5–100, потому что среди его целей было сделать так, чтобы хотя бы пять российских вузов вошли в топ-100 международных рейтингов. Основные задачи, впрочем, заключались в превращении группы ведущих российских университетов в исследовательские, повышении их международной конкурентоспособности и усилении интернационализации. Хотя в рамках этой уже подходящей к концу программы и не удалось достичь целей, связанных с рейтинговыми показателями, у нее много других достижений. Из множества кандидатов международный совет в итоге отобрал 21 российский университет, и за семь лет действия программы на поддержку этой группы было выделено в общей сложности около 2,3 млрд долларов США, что составило примерно 9% среднегодового бюджета этих вузов. Сейчас, когда российское правительство рассматривает возможность запуска новой инициативы по повышению качества российских университетов, стоит внимательно изучить положительный и отрицательный опыт, полученный в ходе Проекта 5–100.

Контекст

Российская система высшего образования очень масштабная и многообразная, у нее нетривиальная и неоднозначная история, и сейчас перед ней стоят новые задачи. В России 724 вуза, в которых обучается примерно 4 миллиона студентов, или 73% выпускников школ, — это одна из самых больших систем высшего образования в мире. Большинство ведущих университетов расположены в Москве и Санкт-Петербурге, однако первоклассные университеты есть и в отдаленных регионах этой огромной страны. Ее трудное прошлое по-прежнему сказывается и на современных реалиях. В советские времена высшее образование обслуживало задачи государства, вузы были лишены

автономии и в идеологическом плане должны были подчиняться Коммунистической партии. Большинство некогда многопрофильных университетов были разделены на небольшие узкоспециализированные институты, обслуживавшие потребности отдельных направлений промышленности и министерств. Университеты занимались почти исключительно образованием, а за науку отвечали институты Академии наук СССР. Традиция университетов как организаций, объединяющих образование и науку, во многом сошла на нет. (Хотя были и исключения: в годы холодной войны было создано несколько новых исследовательских университетов.) Высшее образование было тесно связано с системой экономического планирования. Неудивительно, что вся академическая и научная система страшно обюрократилась. К тому же научные связи с остальным миром были редкостью: советские ученые работали автономно, без взаимодействия с другими учеными. Впрочем, несмотря на суровые ограничения некоторые университеты и исследовательские институты, преимущественно в сфере физики и математики, по праву считались институтами мирового класса, а советская академическая система в целом играла огромную роль в пределах обширной сферы международного влияния советского. Существенных достижений добивались советские ученые в технической и оборонной областях.

Когда в 1991 году Советский Союз распался, в политике и экономике наступил период суровой нестабильности, продлившийся целое десятилетие. Вузы и исследовательские институты лишились большей части господдержки, в большинстве случаев ослабили стандарты, испортилась инфраструктура. Сотрудники вузов, ученые и студенты впервые за 70 лет получили возможность напрямую общаться с внешним миром, и многие предпочли навсегда уехать. Коррупция, которая и так всегда являлась неотъемлемой частью советской системы, только еще больше расцвела, поскольку организациям и их сотрудникам надо было как-то выживать в условиях экономических трудностей и политической нестабильности.

Современное российское высшее образование и наука по-прежнему тяготеют некоторыми элементами, унаследованными из советского прошлого, включая сильную забюрократизированность и разделение преподавания и науки, несмотря на все предпринимаемые (и, надо отметить, иногда небезуспешные) усилия.

Своего рода пробуждение

К 2000 году российское правительство и общество признали, что образование и наука в кризисе, и примерно в то же время ситуация в экономике в целом более или менее стабилизировалась, а нефтяные доходы и восстановление промышленности обеспечили страну новыми ресурсами. Коррупцию удалось немного обуздать. К примеру, в 2009 году на смену в корне коррумпированной и совершенно вышедшей из-под контроля системе вступительных экзаменов в вузы

пришел ЕГЭ, который довольно успешно работает и сейчас. Если раньше некоторые институты Российской академии наук сдавали свои помещения частным компаниям, то сейчас эта сомнительная и иногда даже противозаконная практика прекратилась. Проблемы, впрочем, по-прежнему есть. Взять, к примеру, новости о крупных региональных чиновниках, покупающих диссертации.

Финансирование вузов и РАН существенно увеличилось, хотя и остается недостаточным. Больше внимания стало уделяться науке. В результате конкурсного отбора 29 вузам был присвоен статус «национальных исследовательских университетов», они стали получать дополнительное финансирование. Правительство также поддержало создание при российских университетах международных лабораторий под руководством ведущих мировых ученых, которые действительно проводят продолжительное время в России. Некоторые известные российские ученые, которые когда-то уехали из страны, вернулись специально, чтобы возглавить эти научные лаборатории. Были разработаны принципы модернизации системы управления вузами, в результате чего преподаватели, чей уровень дохода резко сократился после 1991 года, стали получать более высокую зарплату, которая, впрочем, остается неудовлетворительной по международным меркам. В результате всех этих изменений научная продуктивность в России увеличилась.

Проект 5–100 и реформа высшего образования

Результаты Проекта 5–100 оказались существенными, особенно если учитывать, как сложно заниматься оптимизацией университетов вообще и в российском контексте в частности. Пожалуй, самое важное заключается в том, что этот проект обозначил идею создания исследовательских университетов мирового класса в России как одну из приоритетных национальных задач. Были выделены огромные, хоть и недостаточные для революционных изменений средства. Деньги, полученные в рамках этой программы, вузы-участники должны были тратить на определенные направления деятельности. Со временем традиция туманного и нереалистичного академического планирования ушла в прошлое, вузы стали ставить перед собой более реалистичные и практические цели. По ходу проекта успешные университеты получали значительное дополнительное финансирование, другие, наоборот, получали меньше. Для высшего руководства и других представителей вузов проводились семинары по оптимизации системы управления, укреплению интернационализации и разработке новых идей. Руководители высшего звена и другие ключевые сотрудники из разных вузов-участников встречались, чтобы обсудить общие проблемы, в результате чего сложилась атмосфера дружеского соперничества.

Последние исследования зафиксировали увеличение продуктивности не только в вузах — участниках Проекта 5–100, но и в других университетах. Таким

образом, в плане повышения качества и количества научных исследований инвестиции действительно окупаются, реализуются стратегические задачи, модернизируется система управления университетами. А другие российские вузы, которые тоже хотят наладить исследовательскую работу и повысить свой престиж, теперь ориентируются на вузы, участвующие в Проекте 5–100.

Результаты Проекта 5–100 оказались существенными, особенно если учитывать, как сложно заниматься оптимизацией университетов вообще и в российском контексте в частности.

Скромные, но заметные достижения

Для участия в Проекте 5–100 был выбран 21 университет, которые, как считалось, обладали наилучшим потенциалом для превращения в исследовательские университеты, конкурентоспособные на международном уровне. Если судить по объективным показателям, то все вузы добились определенных успехов, хотя результаты по крайней мере трети из них достаточно скромные. Часть участников, вместо того чтобы работать на осязаемый результат, попытались обхитрить систему. А ведущие вузы стремительно продвинулись вверх в международных рейтингах и пополнили ряды лучших исследовательских университетов мира. Хотя некоторые вузы стремились конструктивным образом вовлечь в эти процессы институты РАН, в общем и целом РАН не поддавалась воздействию реформ и по-прежнему остается замороженной в своем советском состоянии.

Пусть ни одному из вузов — участников проекта не удалось попасть в топ-100 международных рейтингов (и вообще, рейтингам и другим количественным показателям и так уделялось слишком много внимания), в целом наблюдалась положительная динамика, и некоторые вузы добились определенных успехов в предметных и отраслевых рейтингах.

России следует уделить серьезное внимание остальной части своей масштабной системы высшего образования, качество которой остается в общем и целом достаточно низким. В этом смысле Россия похожа на большинство других стран с развивающейся экономикой. Передовые исследовательские университеты — это, конечно, важно, но они являются лишь верхушкой непростой системы высшего образования, ситуация

в которой осложняется проблемами, связанными с огромной площадью страны и зачастую слабыми институтами регионального уровня. Важно помнить, что российские университеты присоединились к мировому академическому пространству лишь в последние десятилетия и что даже сейчас международные связи и международное сотрудничество остаются довольно скромными. Только с учетом всего этого можно будет всерьез надеяться на то, что в России удастся построить университеты мирового класса.

Очевидно, что российская система высшего образования — одна из важнейших в мире и что Россия обладает огромным кадровым потенциалом. Если Россия хочет наладить связи с передовыми мировыми университетами, вносить существенный вклад в мировую науку и готовить кадры, которые будут соответствовать нетривиальным потребностям современной экономики, ей действительно нужны исследовательские университеты мирового класса. И Проект 5–100 — это хорошее начало. Теперь, когда полным ходом идет обсуждение следующей инициативы, у России есть шанс сделать еще один шаг в сторону достижения своих амбициозных целей — при условии тщательного планирования и адекватного финансирования.

Высшее образование в России и демографическая революция

Нияз Габдрахманов и Олег Лешуков

Нияз Габдрахманов — научный сотрудник проектно-учебной лаборатории «Развитие университетов» Института образования НИУ ВШЭ (Москва).

E-mail: ngabdrahmanov@hse.ru.

Олег Лешуков — заместитель руководителя Института образования НИУ ВШЭ.

E-mail: oleshukov@hse.ru.

В российской системе высшего образования грядут значительные изменения на фоне нетривиального стечения обстоятельств — общего сокращения численности населения и при этом увеличения численности молодежи студенческого возраста. В настоящий момент российская система высшего образования входит в число мировых лидеров массовизации. Речь и об абсолютном количестве студентов, и о совокупной доле учащихся среди молодежи. По данным на 2019 год, в России насчитывалось

4,2 млн студентов. А по доле студентов среди людей в возрасте 25–64 лет Россия занимает четвертое место в мире, уступая лишь Южной Корее, Японии и США. Это одно из последствий массовизации высшего образования, начавшейся после распада СССР. За 20 лет, прошедших с момента создания Российской Федерации, количество университетов в стране удвоилось: пик пришелся на 2006 год, когда в России насчитывалось 1314 университетов и более полутора тысяч филиалов.

К сожалению, стремительное увеличение числа вузов привело к формированию сегмента низкокачественного высшего образования. Для решения этой проблемы в 2011 году правительство запустило программу оптимизации структуры высшего образования. В результате к 2017 году вузов стало вдвое меньше, а количество филиалов сократилось на 65%.

Эти структурные изменения происходили на фоне общего снижения численности студентов, вызванного демографическими факторами. Студентов стало за этот период на 35% меньше. Но, по прогнозам 2019 года, численность молодежи снова начала увеличиваться, и, скорее всего, в ближайшие 15 лет эта тенденция сохранится. Относительно быстрый рост численности молодежи наверняка приведет к дальнейшему повышению спроса на высшее образование и, соответственно, окажет существенное влияние на всю систему.

По доле студентов среди людей в возрасте 25–64 лет Россия занимает четвертое место в мире, уступая лишь Южной Корее, Японии и США.

Риск снижения доступности

Прогнозируемый рост численности молодежи в России рискует повлечь за собой снижение доступности высшего образования. Хотя общая численность населения сократится к 2036 году на 3,7 млн человек, количество молодежи в возрасте 17–21 года, как предполагается, вырастет, что вызвано выходом страны из демографического кризиса 1990-х годов. Большинство российских студентов попадает именно в этот возрастной диапазон, и к 2024 году численность данной возрастной группы увеличится на 15%, а к 2036 году — на 45%.

Другой важный фактор связан с тем, что после получения аттестата большинство выпускников школ

продолжает обучение в вузах. Такой путь сейчас выбирает более 70%. Это означает, что нынешняя ситуация, характеризующаяся существенным снижением числа учебных заведений вкупе с ростом численности молодежи, может привести к ощутимому снижению доступности высшего образования. Скорее всего, вчерашних школьников, вынужденно выбирающих профессионально-техническое образование, станет больше.

Региональная дифференциация и демографические различия

Россия характеризуется высоким уровнем региональной дифференциации, демографическая ситуация в разных регионах также существенно различается. Поскольку вузы расположены, как правило, в крупных городах, это побуждает молодежь перебираться туда. Опросы показывают, что, по мнению респондентов, в крупных городах лучше качество образования и больше возможностей для личностного роста; всего четверть российских регионов привлекательна для молодежи, а мобильность среди молодежи усилилась за последние годы втрое. Это отчасти связано с введением в 2001 году ЕГЭ (единого государственного экзамена, обязательного для всех, кто планирует получить высшее образование), который дал абитуриентам возможность поступать в вузы за пределами родного региона. В то же время подобное расширение образовательных возможностей привело к оттоку молодежи из большинства регионов, что является серьезной угрозой их устойчивому развитию.

Тем не менее в ближайшие годы ситуация может измениться, поскольку большинство регионов на пороге существенного увеличения численности молодежи. Это дает надежду на то, что теперь по крайней мере часть молодежи, которая до этого предпочитала перебираться в города с более развитой образовательной системой, все же будет оставаться в родных регионах.

Важно также подумать о последствиях демографических тенденций для наиболее популярных российских городов и регионов. Сейчас четверть всех студентов страны и треть всех студентов университетов сосредоточена в двух городах — Москве и Санкт-Петербурге. Неравномерное географическое распределение образовательных центров в стране обуславливает неравенство образовательных возможностей молодежи. Из-за текущих демографических тенденций абитуриенты и их семьи сталкиваются с еще одной проблемой — повышением конкуренции за места в университетах тех регионов, куда стремятся потоки молодежи из других частей страны. Таким образом, выпускникам московских и петербургских школ станет труднее поступить в вузы, потому что они вынуждены будут конкурировать с абитуриентами всей России.

Заключение

Демографические изменения в России напрямую влияют на доступ к высшему образованию. Пандемия COVID-19 и текущий экономический кризис, скорее всего, только усугубят социально-экономические различия между представителями молодежи. С самым существенным ухудшением доступа к высшему образованию столкнутся, по-видимому, представители наиболее уязвимых групп. Ради минимизации рисков и снижения финансовых расходов семьи многих абитуриентов наверняка переориентируются на местный рынок высшего образования и будут выбирать вузы в пределах родного региона. Однако подобная стратегия также может привести к ухудшению доступа к высшему образованию на фоне нынешней ситуации сокращения образовательных возможностей (обусловленной оптимизацией структуры высшего образования), особенно в отдаленных регионах.

Меняющиеся паттерны мобильности могут оказать серьезное воздействие на популярные образовательные центры: доля студентов из других регионов там может превысить 50%. В ряде городов вызванное пандемией COVID-19 снижение притока иностранных студентов может привести к существенному уменьшению студенческого контингента.

В последнее время правительство приняло ряд мер, направленных на сглаживание усиливающегося дисбаланса. Одна из таких мер — увеличение числа мест, финансируемых из федерального бюджета, на 28% в период с 2020 по 2024 год. Эта инициатива направлена, в частности, на повышение доступности высшего образования за пределами Москвы и Санкт-Петербурга. Другие меры предполагают распространение образовательных онлайн-форматов и создание национальной платформы для различных обучающих курсов и образовательных ресурсов. Развитие онлайн-образования могло бы способствовать улучшению доступа к высшему образованию и изменению паттернов мобильности, связанной с образовательной миграцией.

Неужели китайские «морские черепахи» превращаются в «морскую капусту»? Меняющийся рынок труда

Дэвид Цвайг и Цзайчао Ду

Дэвид Цвайг — заслуженный профессор Гонконгского университета науки и технологии, директор консалтинговой компании Transnational China Consulting Limited, вице-президент Центра по изучению Кумая и глобализации (Пекин). E-mail: sozweig@ust.hk. URL: <http://drdavidzweig.com>.

Цзайчао Ду — профессор экономики Фуданьского университета (Кумай). E-mail: zaichaodu@fudan.edu.cn.

Профессор Цвайг благодарит Юйтин Сун и Кочана Чжао из Юго-Западного университета финансов и экономики, а также Цзайчао Ду за приглашение участвовать в их проекте. Совместная статья по результатам проекта будет опубликована в журнале The China Quarterly.

Специалисты по изучению обратной миграции постоянно подчеркивают, как важно привлекать граждан, защитивших PhD в иностранных вузах, к передовым научным исследованиям, помогающим укреплению мощи родной страны. А как насчет миллионов студентов, отправляющихся за границу для кратковременного обучения в магистратуре?

Китайские магистранты, которые самостоятельно оплачивают обучение за рубежом, обычно считаются менее способными, чем те, кто уезжает учиться по государственной стипендии. Тех, кто возвращается на родину со степенью магистра или PhD, называют «хай гуй», или «морские черепахи, возвращающиеся в родной дом», но при этом тех, кто возвращается «из-за границы» («хай») и «ждет» («дай») возможности трудоустроиться, окрестили в 2005 году «хай дай», что звучит так же, как «морская капуста». Неужели блистательные «морские черепахи» стали превращаться в постыдную «морскую капусту»? На то, что такой процесс, похоже, действительно начался, указывает увеличение «коэффициента насыщения магистрами» (количество магистров, вернувшихся на родину, деленное на сумму этого же показателя и количества магистров, выпущенных китайскими вузами).

Из-за усиления обратной миграции обладателей степени магистра в период с 2005 года среди представителей академической среды, законодателей и журналистов идет дискуссия о том, не перенасытится ли Китай «морской капустой», которая пополнит ряды неудовлетворенных жизнью наемных работников или и вовсе не сможет найти работу на родине.

В 2011 году коэффициент насыщения магистрами составлял 27,2%, в 2012 году — уже 36%, а в 2017 году он достиг 45%, когда 480 900 магистров, вернувшихся из-за рубежа, вышли на рынок труда вместе с 578 045 магистрами — выпускниками китайских вузов. Даже если молодые китайцы перестанут массово уезжать на учебу в США из-за негостеприимной политической среды и из-за пандемии COVID-19, доля обладателей дипломов иностранных вузов среди ремигрантов наверняка останется довольно высокой.

Из-за усиления обратной миграции обладателей степени магистра в период с 2005 года среди представителей академической среды, законодателей и журналистов идет дискуссия о том, не перенасытится ли Китай «морской капустой», которая пополнит ряды неудовлетворенных жизнью наемных работников или и вовсе не сможет найти работу на родине. Дунлинь Хань из Китайского народного университета и Д. Цвайг писали в 2007 году, что беспокойство насчет «морской капусты» напрасно, потому что 70% ремигрантов находят работу в течение трех месяцев после возвращения, а 90% — в течение шести месяцев. Более того, мы обнаружили, что выпускники иностранных вузов зарабатывают существенно больше, чем выпускники китайских вузов.

В основу данной статьи легли результаты нескольких исследований. Это три опроса ремигрантов из Японии, Канады и Гонконга, проведенных в 2006 году Министерством образования Китая,

Национальное исследование 2006 года, в котором Д. Цвайг сравнивал положение магистров — выпускников местных вузов и магистров-ремигрантов, а также еще один массив данных, который удалось получить в 2016 году по результатам опроса на специальном сайте знакомств для одиноких ремигрантов, ищущих себе пару среди таких же ремигрантов. В 2016 году китайская хедхантинговая фирма «Чжаопинь» получила через свой сайт 1589 откликов на опросник, составленный совместно с Центром по изучению Китая и глобализации. Наконец, использовалось китайское национальное обследование финансов населения 2015 года, проведенное Ц. Ду и другими в Юго-Западном университете финансов и экономики; в этом исследовании сравнивалось по 482 выпускника местных и иностранных вузов, объединенных в пары по принципу схожести.

Почему выпускники возвращаются на родину? Они едут «от», «к» или по семейным обстоятельствам?

Чтобы понять, почему выпускники иностранных вузов возвращаются на родину, Цвайг использовал перевернутую концепцию push/pull, используемую для объяснения утечки мозгов. Только Цвайг оценивал, влияет ли на возвращение китайцев на родину «провал» на Западе, «выталкивание» с Запада, или же их «притягивают» возможности, открывающиеся на родине. Цвайг также предположил, что может быть и третий повод вернуться — «по семейным обстоятельствам», и проверил все эти три возможных объяснения, оценивая семь факторов: 1) продолжительность поисков работы; 2) уровень удовлетворенности работой; 3) удовлетворенность жизнью после возвращения на родину; 4) сравнение затрат и выгоды при обучении за границей; 5) сколько предположительно времени нужно, чтобы эти затраты окупались; 6) реальный доход; 7) предполагаемый доход.

Опрос «Чжаопинь» 2016 года позволил выявить интересный парадокс. Из положительного стоит отметить, что если учитывать только переменные с уровнем значимости 0,05, то те, кого «притянуло» обратно в родную страну, быстрее находили работу, более довольны работой и жизнью в целом, оценивают пользу от учебы за границей выше издержек и больше зарабатывают. Те же, кого Запад «вытолкнул» на родину и кто счел нужным вернуться, испытывали трудности лишь с компенсацией затрат. А вот те, кто вернулся по семейным обстоятельствам, испытывали больше трудностей с поиском работы и окупаемостью затрат на обучение; кроме того, у них были низкие показатели удовлетворенности работой и жизнью в целом. Таким образом, напутствие молодежи, выросшей в такой ориентированной на семью культуре, как китайская, следующее: не стоит возвращаться домой только ради того, чтобы убажить ваших родителей, иначе вы будете несчастны.

Результаты опроса «Чжаопинь» 2016 года показывают, что есть две группы ремигрантов: те, кто получил выгоду от обучения за рубежом (“get it”), и те, кто не получил (“don’t”). Представители первой группы успешны, потому что они хорошо представляют себе китайский рынок труда, планируют свой карьерный путь, учатся востребованным на рынке навыкам. А среди представителей второй группы встречаются те, кто уехал за границу главным образом потому, что не смог поступить в хороший китайский университет, и проблема усугубляется тем, что эти люди плохо разбираются в особенностях китайского рынка труда и плохо планируют свой карьерный путь, неудачно выбирая направление образования. Именно таких заурядных студентов Запад потом «выталкивает» обратно в Китай, где им уготована незавидная карьера, которой они все равно не будут удовлетворены, несмотря на длительность поисков работы, и вот эти люди запросто превращаются в «морскую капусту».

Повышает ли иностранный диплом доходы ремигрантов?

По данным на 2006 год, ремигранты получали существенно больше, чем выпускники китайских вузов. Сравнение доходов выпускников магистратуры японских, гонконгских и канадских вузов с доходами 6000 горожан из разных регионов Китая показало, что первые зарабатывали на 83% больше, чем остальные их соотечественники с таким же уровнем образования.

Однако социальный класс, к которому принадлежат родители студента, может «пересилить» экономическую выгоду от обучения за границей. Почему так? Регрессивная модель на основе данных исследования «Хайгуй Чжисинь» 2016 года показала, что наличие иностранного диплома действительно существенно влияет на доходы ремигрантов. Однако, добавив в модель такие факторы, как доходы родителей и наличие хотя бы одного родителя-госслужащего, мы заметили, что иностранный диплом перестает быть статистически значимым фактором и, наоборот, значимыми факторами оказываются семейный доход и работа родителей в госструктурах. Таким образом, хотя учеба за границей действительно идет на пользу многим молодым юношам и девушкам, детям элиты она не очень помогает.

Ду и его коллеги из Юго-Западного университета финансов и экономики, проанализировавшие в 2014 году результаты опроса респондентов, объединенных в пары по принципу схожести, пришли к однозначным выводам. Результаты с уровнем значимости 0,05% показывают, что ремигранты, имеющие степень магистра или PhD, зарабатывают на 19,3% больше, чем их соотечественники с тем же уровнем образования, которые учились в китайских вузах, а среди обладателей степени бакалавра различия в уровне доходов вообще отсутствуют. Исследователи также тестировали эффект «человеческого капитала», то есть что ремигранты

зарабатывают больше благодаря своим способностям, в противовес «сигнальному эффекту», то есть когда работодатели платят больше за сам факт наличия иностранного диплома. Удалось выяснить, что чем дольше ремигрант работает в определенной фирме, тем выше разрыв в оплате труда в сравнении с остальными сотрудниками. Иными словами, зарубежное образование приносит дивиденды в форме более высокой зарплаты впоследствии, но только когда работодатель убедится в более высокой работоспособности сотрудника.

Иностранцев, взаимодействующих с Китаем, должна гнать мысль о том, что, скорее всего, почти все молодые специалисты, с которыми они общаются, — из китайской, из иностранной компании, из НКО, из вуза или из государственной организации — учились за рубежом. Это действительно талантливая молодежь, хоть ее и обзывают «морской капустой», и именно эти люди помогут Китаю удержать лидирующее положение в качестве главной страны «развивающегося мира», подняться и глубоко интегрироваться в глобальное мироустройство.

Китай: выпускники вузов в суровых реалиях рынка труда

Ин Лу и Юань Гао

*Ин Лу — научный сотрудник и заместитель директора управления по международной работе Бэйханского университета (Пекин, Китай).
E-mail: ly@buaa.edu.cn.*

*Юань Гао — руководитель программы «Международные партнерства» управления по международной работе Бэйханского университета, аспирант Школы гуманитарных и социальных наук того же университета.
E-mail: gaoyuan@buaa.edu.cn.*

Пандемия COVID-19 нанесла ощутимый удар по мировой экономике и по рынку труда, только усугубив проблемы, с которыми сталкиваются люди в поисках работы. В последние годы выпускникам вузов в Китае становилось все сложнее находить работу из-за массовизации высшего образования и общего замедления темпов экономического развития. В 2020 году китайские университеты и колледжи выпустили рекордные 8,74 миллиона человек. Это на 400 тысяч больше, чем в 2019 году, поэтому конкуренция среди выпускников только усилилась.

Ситуация, конечно, усугубилась из-за пандемии, которая привела к рекордному сокращению вакансий в малом и среднем бизнесе — секторе, больше всего пострадавшем от COVID-19. Хуже того, ограничения на международные передвижения (а также более строгая визовая политика других стран, связанная с распространением коронавируса и политической напряженностью и призванная, в частности, сократить количество международных студентов из Китая) вынудили многих китайцев отказаться от мечты учиться за границей и вместо этого заняться поисками работы в родной стране, причем в особенно трудных условиях. Наперекор всем трудностям правительство Китая в срочном порядке запустило ряд инициатив, разработанных вместе с вузами и направленных на то, чтобы облегчить ситуацию на рынке труда. Принятые правительством меры сводятся, по сути, к расширению приема в вузы, восстановлению права на получение второго бакалаврского диплома, распространению в вузах должности научного ассистента и поддержке предпринимательства и инноваций.

Расширение приема в вузы

Увеличение масштабов приемной кампании в вузах воспринимается многими как эффективный способ быстро ослабить напряженность на рынке труда. В начале марта 2020 года Министерство образования Китая опубликовало новый документ о мерах смягчения последствий пандемии COVID-19 для рынка занятости. Согласно этому документу, число мест на магистерских программах предполагалось увеличить на 189 000, или на 23,5% в сравнении с предыдущим годом. Эта мера коснулась в том числе ведущих вузов страны: так, Университет Цинхуа зачислил в 2020 году 6110 новых магистрантов — на 4,8% больше, чем в 2019 году. Благодаря новым квотам китайские вузы получили возможность не только принять больше студентов, но также ускорить приемную кампанию и опробовать нетрадиционные методы отбора. К примеру, выпускники бакалавриата, которые планировали продолжить обучение за рубежом, но не смогли этого сделать из-за международных ограничений или реакционной иммиграционной политики, получили право напрямую подавать документы в магистратуру ряда китайских вузов, минуя при этом традиционные вступительные экзамены.

Возобновление программ второго высшего образования

В свете стремительного развития магистерского образования в Китае в последние годы было решено отменить программы второго высшего образования, впервые появившиеся в 1980-х годах и дававшие студентам возможность получить второй диплом бакалавра. Министерство образования объявило об этом в июле 2019 года. Однако уже в конце мая 2020 года министерство выпустило указание о том, что около 500 вузов могут продолжать зачислять студентов на программы второго высшего образования.

Документ содержит перечень более чем 3400 подобных программ, прошедших аккредитацию. Многие восприняли возобновление этой практики как признак того, что власти решили смягчить резкий выход на рынок труда для выпускников 2020 года. Причем студенты, поступившие на программы второго высшего образования, не просто смогут получить еще один диплом — они таким образом получают возможность остаться в вузе еще на два года и тем самым лучше подготовиться к будущей академической или профессиональной карьере.

Наперекор всем трудностям правительство Китая в срочном порядке запустило ряд инициатив, разработанных вместе с вузами и направленных на то, чтобы облегчить ситуацию на рынке труда.

Научные ассистенты в вузах

В июне 2020 года Министерство науки и технологий, Министерство образования и четыре других министерства опубликовали совместную стратегию, которая должна стимулировать вузы к развитию исследовательских проектов, которые бы предусматривали привлечение выпускников на позиции научных ассистентов. В документе прописано, что вузы, исследовательские институты и предприятия, участвующие в национальных исследовательских проектах, должны создавать позиции научных ассистентов и нанимать на них недавних выпускников вузов. Предполагается, что, работая таким образом на условиях (временного) контракта, молодежь, находящаяся в поисках работы, получит, с одной стороны, источник дохода, а с другой — возможность напрямую познакомиться с тем, как устроена наука в Китае, и подготовиться к будущей академической карьере. Стоит особо отметить, что, согласно этому документу, «такие показатели, как количество открытых позиций и количество нанятых выпускников, будут учитываться и оцениваться в рамках проекта по развитию вузов мирового класса Double World-Class», так что 137 вузов, отобранных для участия в этом проекте, вынуждены были сразу зашевелиться. К примеру, Бэйханский университет — один из ведущих исследовательских вузов Пекина — сразу опубликовал 119 вакансий для научных assi-

стендов, а Фуданьский и Шанхайский университеты открыли по 150 подобных вакансий.

Поддержка предпринимательства и инноваций

На протяжении последних пяти лет правительство Китая опубликовало серию рекомендаций о том, как поддерживать «массовое предпринимательство и инновации». Это делается для того, чтобы подстегнуть экономический рост и способствовать созданию новых рабочих мест в цифровую эпоху. В вузах Китая стремительно набирает популярность обучение предпринимательству как важный способ его поддержки и поощрения. Согласно докладу Китайского народного университета о предпринимательстве среди студентов за 2019 год, обучение предпринимательству в китайских вузах положительно повлияло на готовность студентов открывать собственное дело и на показатели работы студенческих стартапов. В последние месяцы правительство снова стало подчеркивать важность «массового предпринимательства и инноваций» и роль университетов в реализации связанных с этой темой инициатив. Однако надлежащую экосистему по поддержке предпринимательства еще только предстоит создать, а волна закрытия бизнесов, прокатившаяся по всей стране, подорвала уверенность начинающих предпринимателей, поэтому сложно предсказать, какая доля той молодежи, которая окажется в процессе поиска работы в постпандемных условиях, пойдет на риски.

Вышеописанные инициативы (включая те, которые только отсрочивают проблемы или имеют лишь временный эффект) отражают первые попытки правительства подготовить общество к самому суровому периоду на рынке занятости. И хотя университеты могут предложить некоторые временные решения, текущие проблемы только напомнили вузам Китая и других стран о необходимости пересмотреть принципы подготовки студентов к условиям постпандемного мира и помочь им в итоге успешно выйти на обновляющийся рынок труда.

Коммерческое высшее образование в Латинской Америке: исключение или знаковое явление?

Данте Х. Сальто и Дэниел Леви

Данте Х. Сальто — старший преподаватель кафедры административного управления Университета штата Висконсин в Милуоки (США) и участник PROPHE — Программы изучения частного высшего образования, материалы которой регулярно публикуются в «Международном высшем образовании».
E-mail: salto@uwm.edu.

Дэниел Леви — заслуженный профессор департамента образовательной политики и управления образованием Университета штата Нью-Йорк в Олбани (США) и руководитель PROPHE.
E-mail: dlevy@albany.edu.

С четверть века назад в Латинской Америке появилась и сразу заняла прочные позиции новая форма высшего образования — частные вузы, имеющие статус коммерческих организаций. Однако этот феномен по-прежнему мало известен даже в самом регионе, не говоря уже о других странах. Коммерческие частные вузы существуют всего в трех странах континента, но в двух из них этих вузов так много, что Латинская Америка опережает все остальные регионы по общему количеству студентов в коммерческом секторе, несмотря на стабильный рост этого сектора в большинстве других регионов. Останется ли коммерческое высшее образование в Латинской Америке своего рода исключением или окажется предвестником какой-то новой тенденции? Прежде чем размышлять об этом животрепещущем вопросе, нужно составить для себя представление о региональном контексте, в котором существуют частные вузы, и понять, как и почему стали появляться исключения из правил.

Должно ли частное высшее образование оставаться исключительно некоммерческим?

Как и в большинстве стран мира, за исключением США, долгое время после обретения независимости в начале XIX века большинство латиноамериканских стран сохраняло государственную монополию на высшее образование. Ключевое место в системах высшего образования этих стран занимали государственные вузы. Однако уже к середине XX века Латинская Америка

стала первым в мире регионом, почти во всех странах которого появилось частное высшее образование. К настоящему моменту Латинская Америка, где каждый второй студент учится в частном вузе, выбилась в мировые лидеры по доле студентов, обучающихся в частных вузах.

Хотя у Латинской Америки было достаточно времени, чтобы свыкнуться с идеей частного высшего образования, появление коммерческого сектора, начавшего конкурировать и с государственными, и с некоммерческими частными вузами, было воспринято неоднозначно и стало поводом для раздоров. Даже некоммерческие частные вузы, к которым в государственном секторе относятся с некоторым презрением и которые воспринимаются как сомнительная второсортная альтернатива государственным вузам, с недоверием относятся к своим новым коммерческим собратьям. Наряду с государственными вузами некоммерческие частные вузы часто говорят о том, что коммерческие цели и образовательные ценности вообще несовместимы.

Путаница вокруг того, что считать рамками коммерческого высшего образования, во многом связана с небрежностью и несогласованностью используемых определений. Официально коммерческие вузы характеризуются тем, что распределяют прибыль между акционерами, в то время как некоммерческие вузы должны реинвестировать всю прибыль в образовательную деятельность. Непонимание обычно возникает из-за того, что некоммерческие вузы трактуют юридические определения в свою пользу ради финансовой выгоды. И хотя в дискуссиях о «коммерческом» высшем образовании речь часто идет о самом широком спектре явлений — от прибыли, извлекаемой некоммерческими вузами, до некоммерческих вузов, принадлежащих крупным международным корпорациям (вроде активно работающей в Мексике корпорации Laureate), обсуждаемые феномены не всегда строго подпадают под юридическое определение коммерческого высшего образования. Путаница также может возникать из-за того, что некоторые формально некоммерческие вузы пользуются несовершенством механизмов контроля и правоприменения и занимаются махинациями с распределением прибыли.

Мировая слава

Хотя есть все основания сомневаться в финансовой добросовестности многих некоммерческих вузов Латинской Америки, страны этого региона долгое время сохраняли верность своим европейским корням, и коммерческое частное высшее образование было запрещено вплоть до 1980-х годов. И это несмотря на отказ от традиционной государственной монополии на высшее образование и тот факт, что уже к тому периоду учащиеся частных вузов составляли более 30% всех студентов. Официально коммерческое образование отсутствовало и на протяжении большей части 1990-х годов, за исключением разве что Чили, где эта ниша начала развиваться в 1980-х годах.

Путаница вокруг того, что считать рамками коммерческого высшего образования, во многом связана с небрежностью и несогласованностью используемых определений.

Зато сейчас Латинская Америка уверенно занимает первое место в мире по абсолютному числу студентов коммерческих вузов, несмотря на стремительный рост этого сектора в других регионах. Это особенно поразительно с учетом того, что совокупное количество студентов частных вузов в Азии в три раза превышает аналогичный латиноамериканский показатель. Не менее удивителен тот факт, что коммерческие вузы действуют лишь в пяти странах Латинской Америки. Это меньше, чем в Африке, арабоязычных странах, Азии или даже Европе. Далее, основной центр развития коммерческого высшего образования в Латинской Америке — Бразилия, за ней следуют Перу и Чили, а замыкают список Коста-Рика и Боливия. В Азии тоже есть два государства-лидера по доле коммерческого высшего образования: Индонезия и Филиппины. Но даже они не могут сравниться с Бразилией по масштабам коммерческого сектора, не говоря уже об остальных азиатских странах. К азиатским странам с крупнейшим сектором частного высшего образования относятся (помимо Индонезии) Индия, Япония и Южная Корея, но в этих трех странах коммерческие вузы запрещены. Поэтому доля студентов коммерческих вузов относительно частных вузов (и всех студентов) в Азии очень низка в сравнении с Латинской Америкой.

Бразилия с уверенным отрывом опережает остальные страны региона и, более того, вообще все остальные страны мира по масштабам коммерческого сектора: из 8 миллионов студентов в стране 3,3 миллиона учится именно в коммерческих частных вузах. В коммерческих вузах Перу учится, скорее всего, немногим более 700 тысяч студентов. При этом учащихся коммерческих вузов в обеих странах даже больше, чем учащихся некоммерческих или государственных вузов. В Чили тоже довольно много людей учится в коммерческих вузах, хотя принятый недавно новый закон может привести к существенному сокращению этого сектора, численность учащихся в котором сейчас оценивается на уровне 343 тысяч. Еще около 40 тысяч студентов коммерческих частных вузов насчитывается в Коста-Рике. Таким образом, только в четырех этих странах уже около 4,4 миллиона студентов

коммерческих вузов (мы не учитываем Боливию из-за отсутствия официальной статистики или оценок), что составляет 32% от общего числа учащихся частных вузов в Латинской Америке и 17% от всего количества студентов в регионе.

Легализация коммерческого высшего образования в Бразилии и Перу стала возможной благодаря убежденности президентов этих стран в том, что коммерческое высшее образование и без того существовало бы, но в скрытой форме, что это было бы обманом населения и что неправомерное использование такими вузами налоговых поблажек, доступных некоммерческим вузам, лишило бы страну дополнительных налоговых поступлений. Таким образом, власти этих стран поставили частные вузы перед выбором: либо быть действительно некоммерческими, либо легально выбрать коммерческий статус. И вузы, выбравшие коммерческий статус, быстро достигли успехов на рынке, потому что обеспечили доступ к высшему образованию тем, кто раньше был его лишен. Подобные вузы внесли существенный вклад в массовизацию высшего образования в своих странах, потому что большинство из них — второсортные низкопробные массовые вузы. Наиболее престижными по-прежнему считаются государственные вузы, плюс есть несколько исключений в виде сильных некоммерческих частных университетов; впрочем, некоторым коммерческим вузам удастся занять определенную полезную нишу на рынке труда.

Будущее коммерческого высшего образования

Хотя, конечно, будущее коммерческого частного высшего образования в Латинской Америке непредсказуемо, на основе имеющихся данных можно сделать ряд предположений. Пример Чили показывает, что коммерческий сектор по-прежнему характеризуется высокой степенью неопределенности. Именно с Чили начинался прорыв коммерческого высшего образования в Латинской Америке задолго до Бразилии и Перу. Однако в Чили разрешение на создание коммерческих образовательных центров, принятое в условиях военной диктатуры 1980-х годов, распространялось преимущественно на сферу профессионально-технического образования. В университетском секторе коммерческое образование так и не было легализовано, а из-за массовых студенческих протестов последних лет и популистских поправок в законодательстве некоторые образовательные учреждения сменили свой статус с коммерческого на некоммерческий.

В других странах тоже наблюдаются противоречивые тенденции. Стремительное расширение сектора коммерческого высшего образования в Бразилии и Перу указывает на то, что ведущие страны Латинской Америки, скорее всего, продолжат движение в данном направлении. И возможно, их примеру последуют власти других стран, испытывающих дефицит бюджета и намеревающихся собрать дополнительные налоги с вузов, лишь прикидывающихся некоммерческими.

К тому же стремительное развитие коммерческого высшего образования в других регионах может способствовать легитимации такой формы образования или по крайней мере обеспечит возможность удовлетворить растущий спрос на высшее образование без финансовой помощи со стороны государства, только снизившейся в условиях пандемии COVID-19. Поскольку пока коммерческие вузы есть лишь в нескольких странах региона, но при этом в остальных государствах Латинской Америки с их постоянно расширяющейся системой высшего образования частный сектор и так уже играет огромную роль, есть все основания полагать, что коммерческое частное высшее образование вскоре начнет развиваться и в остальных 18 странах региона. С другой стороны, некоторые страны наверняка предпочтут терпеть коммерческие вузы, маскирующиеся под некоммерческие, чтобы избежать открытой полемики в обществе. Такой ход событий становится все более вероятным на фоне усиления левого популизма и студенческих протестов в последние годы. Отзыв законопроекта о легализации коммерческого высшего образования в Колумбии в 2011 году и недавние студенческие протесты против коммерциализации высшего образования в Чили могут послужить серьезным противовесом тем силам, которые выступают за развитие коммерческого частного высшего образования за пределами стран, где оно уже существует.

Приватизация и неравный доступ к образованию в Индии

Вишал Джамкар и Кристофер Джонстоун

Вишал Джамкар — аспирант Школы по связям с общественностью имени Хьюберта Хамфри, Университет Миннесоты (США).

E-mail: jatka003@umn.edu.

Кристофер Джонстоун — доцент отделения управления и развития организаций, Колледж изучения образования и кадрового развития, Университет Миннесоты.

E-mail: johnstone@umn.edu.

Индийская система высшего образования, вторая по величине в мире, включает около 800 университетов и почти 40 000 колледжей, в ней обучается в общей сложности 35 миллионов студентов. Индии потребовалось более 55 лет, чтобы перейти от элитистской модели высшего образования к массовой, причем

признаков замедления массовизации не наблюдается. К примеру, совокупная доля учащихся среди индийской молодежи увеличилась с 1,5% в 1961 году до 5,9% в 1991 году, а в 2017 году и вовсе достигла 27%. По мере роста массовизации все отчетливее выкристаллизовываются некоторые важные характеристики индийской системы высшего образования: огромное разнообразие образовательных программ, особенно в инженерных колледжах и политехнических институтах, которые все чаще предлагают образование в сфере прикладных наук; распространение частных университетов и колледжей в ответ на повышение спроса; улучшение доступа к высшему образованию среди представителей различных маргинализованных групп и других меньшинств, например тех, кто относится к так называемым зарегистрированным кастам (они же далиты, в прошлом — «неприкасаемые»), зарегистрированным племенам и другим угнетаемым классам, а также для мусульман, которые составляют в Индии одно из религиозных меньшинств. Впрочем, несмотря на все это, среди студентов по-прежнему преобладают представители индуистского большинства — выходцы из высших каст и обеспеченных классов.

Приватизация и инклюзия

В современном индийском высшем образовании два устоявшихся подхода, сложившихся в последние десятилетия. В 1970–1980-х годах высшее образование было инклюзивным в плане вовлечения представителей различных социально-экономических слоев населения. Цены на обучение и в государственных, и в субсидируемых из бюджета частных университетах были доступными, вузы предоставляли места в общежитиях, стипендии, скидки, учебники, были также квоты для женщин и для представителей зарегистрированных каст и племен и других угнетаемых классов.

Однако в начале 1980-х годов правительственная политика, ориентированная на интересы малоимущих (например, стипендии и скидки на оплату обучения и общежития), стала сходить на нет; субсидии на поддержку государственных и частных вузов сократились. На уровне центрального правительства и на уровне властей штатов были приняты меры по повышению финансовой автономии частных вузов, с тем чтобы те перешли на самостоятельное ресурсообеспечение и не опирались на гарантии государства. Вузы также получили право более самостоятельно действовать и в других областях. Приватизация бурно шла и в 2000-х годах. Определяющую роль в этом процессе сыграла судебная власть, потому что суд дал частным вузам полную самостоятельность в привлечении капитала и отменил институциональные квоты по привлечению студентов из числа представителей зарегистрированных каст и племен и других угнетаемых классов.

Объемы государственной помощи меньшинствам и маргинализованным группам в последние

десятилетия сократились, а численность студентов в частных вузах возросла. Согласно официальной статистике, в период с 1995 по 2014 год доля индийских студентов, которые учились в несубсидируемых частных вузах, возросла более чем в 4 раза, с 7,1 до 32,7%, а доля студентов государственных вузов упала с 57,5 до 41,1%. По данным Всеиндийского обследования высшего образования (AISHE), в 2015 году в стране насчитывалось свыше 35 000 колледжей, из них более 22 000 частных несубсидируемых, около 5000 частных, получавших государственные субсидии, и почти 8000 колледжей, финансируемых за счет бюджета. В настоящее время почти 78% всех колледжей в Индии — частные, в них обучается 67% студентов страны.

Приватизация и несправедливость

Массовизация высшего образования в Индии шла в основном за счет разрастания сегмента несубсидируемых частных вузов. На этом фоне зарегистрированные касты и племена и другие угнетаемые классы оказались дважды под ударом. Сначала верховный суд постановил, что несубсидируемые частные вузы не обязаны соблюдать квоты для представителей этих групп, из-за чего в Индии с ее разраставшимся сектором высшего образования снова остро встала проблема обеспечения равного доступа: получилось, что требование о квотах, введенных в рамках антидискриминационной политики и призванных побороть историческую несправедливость, стало распространяться лишь на меньшинство вузов в стране. Во-вторых, изменение политики предоставления стипендий, займов и скидок на оплату обучения и общежитий существенно сузило выбор абитуриентов из семей с низкими доходами, и многие лишились возможности получить частное образование за приемлемые деньги.

Конечно, массовизация и приватизация привели к увеличению числа студентов во всех группах населения, но главным образом прирост шел за счет выходцев из высших каст. Несубсидируемые частные университеты расположены в городах-миллионниках и других крупнейших городах, учится в них преимущественно городская и обеспеченная молодежь, и они не обязаны давать скидки абитуриентам из бедных семей и вообще придерживаться государственной политики защиты интересов ущемленных групп. Более того, пользуясь покровительством Министерства развития людских ресурсов, ведущие государственные вузы, например Индийский институт управления, выбили себе право не соблюдать квоты при приеме в аспирантуру, прикрываясь аргументами о меритократии и «качестве образования». При этом демография профессорско-преподавательского состава этих вузов указывает на то, что они только подпитывают и без того существующую социальную стратификацию, ограничивающую мобильность и доступ к образованию. К примеру, по данным министерского доклада за 2017/18 год, 56,8% преподавателей вузов относится к «основному населению», 8,6% — к зарегистрирован-

ным кастам (хотя вообще они составляют 15% населения страны) и всего 2,27% — к зарегистрированным племенам (составляющим 7,5% населения страны). Подобные расхождения воспроизводятся и при зачислении в вузы и негативно влияют на реализацию принципа справедливости в образовании.

Массовизация высшего образования в Индии шла в основном за счет разрастания сегмента несубсидируемых частных вузов.

Заключение

В целом массовизация и приватизация университетов и колледжей в Индии привели к расширению диапазона возможностей для получения высшего образования. Совокупная доля учащихся среди представителей различных групп в последние десятилетия увеличилась, однако неравенство сохраняется. Нерегулируемая массовизация расширила выбор, но не для всех. Ослабление правил повышения стоимости обучения, отмена государственных грантов на оплату обучения и общежитий, отсутствие антидискриминационных мер в частных вузах — все это влияет на усиление неравенства доступа к образованию. Географическое распределение частных университетов и колледжей и их тарифы на обучение играют на руку в первую очередь обеспеченным абитуриентам и абитуриентам из высших каст. Отмена обязательных квот в частных университетах также привела к сокращению притока абитуриентов-мусульман и абитуриентов из числа представителей исторически ущемленных групп. Поскольку позиции частного высшего образования в Индии укрепляются все сильнее, власть имущим и руководителям частных вузов следовало бы понять, что обеспечение разнообразия — это их ответственность перед обществом и вообще общественное благо. В противном случае они только дальше усугубят социальное расслоение, существовавшее в Индии на протяжении тысячелетий.

Польша: 10 лет реформ (2010–2020 гг.)

Марек Квик

*Марек Квик — профессор, заведующий кафедрой ЮНЕСКО по институциональным исследованиям и политике в области высшего образования, директор Центра изучения публичной политики Университета им. Адама Мицкевича в Познани (Польша).
E-mail: kwiekm@amu.edu.pl.*

Реформы первых двух десятилетий после событий 1989 года практически не затронули польские университеты. Основные черты системы того периода, включая непрозрачное распределение научного финансирования, неэффективную коллегиальную систему управления и запутанную многоуровневую систему ученых степеней и должностей, сохранились вплоть до начала 2010-х годов.

Сложилась ситуация недофинансирования науки и обесценивания исследовательской миссии вузов. Основные направления образовательной политики были связаны с расширением системы высшего образования и приватизацией вузов, занимающихся преимущественно преподаванием (в интересах постоянно росшего числа студентов-вечерников, самостоятельно оплачивавших свое обучение). Но начиная с середины 2000-х годов законодатели и руководители вузов стали осознавать долгосрочные последствия демографического спада. Если в 2006 году в стране было около 2 миллионов студентов, то к 2020 году их число сократилось до 1,2 миллиона. Соответственно, в конце 2000-х годов одним из новых приоритетов национальной политики стала наука.

Десятилетие реформ

2010-е годы стали периодом реформ, изменивших почти все аспекты жизни университетов. Наука снова официально стала основной миссией университетов, была введена новая система распределения научных грантов. Произошел разворот от приватизации к деприватизации и от деинституционализации науки в университетах к реинституционализации.

После того как наука снова стала одним из национальных приоритетов, Национальный научный центр (создан в 2010 году) занялся распределением исследовательских грантов на конкурсной основе. Распределение государственных средств на поддержку науки теперь сопряжено также с показателями работы сотрудников и результатами аккредитации вузов. Одним из ключевых понятий, встречающихся во всех программных документах последнего десятилетия, стала интернационализация науки.

Новые механизмы распределения финансирования и оценки деятельности вузов привели к вертикальной стратификации системы высшего образования и ее постепенному делению на два типа вузов — на исследовательские вузы и на вузы со слабым научным потенциалом и ограниченным финансированием.

Кроме того, в 2020 году была запущена новая инициатива по повышению стандартов исследовательских университетов (известная как национальная программа IDUB на 2020–2026 годы), которая предусматривает, что десять крупных университетов, прошедших конкурсный отбор, будут получать дополнительное финансирование. Общий бюджет программы IDUB на 7 лет составляет около 1 млрд долларов США, а размеры выплат должны будут согласовываться каждый год заново, поскольку они зависят от выполнения вузами планов развития и стратегий.

Пока, однако, система стимулов для интернационализации польской науки не работает. Новая система распределения научного финансирования на конкурсной основе не привела к положительным изменениям в производительности польских ученых, на которые все рассчитывали. По доле статей, написанных в рамках международного сотрудничества, Польша по-прежнему занимает одно из последних мест в Европе, несмотря на существенный прирост числа публикаций, индексируемых международными базами данными. Польша также не сумела в полном объеме воспользоваться доступным ей научным финансированием Евросоюза, в частности Европейского совета по науке. Низкие расходы на фундаментальные исследования стали одним из факторов провала политики интернационализации: радикальные перемены в системе управления исследовательским финансированием (новая система грантов) не сопровождалась аналогичными изменениями в уровне финансирования фундаментальной науки. А правила продвижения по службе в вузах и принципы аттестации качества исследовательской работы (получившей название «параметризация»), проводившейся в 2014 и 2017 годах, не способствовали интернационализации науки в достаточной мере.

Первая волна реформ

В 2010-х прошло две волны реформ. Первая — в 2009–2011 годах под руководством министра науки и высшего образования того времени Барбары Кудрицкой (и получила известность как «реформа Кудрицкой»), а второй руководил министр Ярослав Говин («реформа Говина»). В ходе первой волны польское высшее образование было переведено на многоуровневую систему управления, появились новые организации-посредники, выполняющие координационные функции и занимающие положение между вузами и государством. Хороший пример такой организации — Национальный научный центр. Финансирование фундаментальной науки стало напрямую связано с оценкой поддающихся количественному измерению

результатов труда ученых; оценивание проводится на уровне базовых академических подразделений (преимущественно факультетов), которых насчитывается около тысячи.

До реформ Кудрицкой государство напрямую координировало деятельность высшего образования. Новая модель управления обеспечивает, с одной стороны, более высокую автономию вузов и ученых, а с другой — накладывает на них более высокую ответственность. Новые организации-посредники в принципе не зависят от государства: либо ими напрямую руководят ученые, выбранные академическим сообществом, либо они подчиняются управляющим советам, которые, в свою очередь, зависят от мнения ученых. При этом последнее слово в том, что касается определения совокупного госбюджета на науку и высшее образование, выделения приоритетных для страны направлений исследований и первичного распределения средств между основными фондами, по-прежнему за правительством. А вот решения о дальнейшем распределении научного финансирования принимают представители академического сообщества, руководящие этими самыми фондами и организациями.

**Пока, однако,
система стимулов
для интернационализации
польской науки
не работает.**

Вторая волна реформ

Ключевая идея реформ Говина (запущены в 2016–2018 годах, реализация частично отложена до 2022 года) — продолжить дифференциацию польской системы высшего образования и усилить интернационализацию польской науки. Чаще всего звучало две концепции: системная дифференциация (вузы, ориентированные главным образом на преподавание, противопоставляются исследовательским вузам) и интернационализация науки (национальная наука противопоставляется международной).

Хотя преподавание занимало важное место в реформах Говина, основное внимание уделялось дифференциации вузов и интернационализации науки. Самые существенные изменения последнего времени в сфере высшего образования были связаны именно с наукой: новое структурное деление в университетах в соответствии с новым списком научных дисциплин; новая система оценки исследований (старт запланирован на 2022 год); отбор 10 исследовательских университетов, которые стали получать дополнительное

финансирование в рамках программы IDUB; новые аспирантские школы в университетах с наиболее заметными научными результатами вместо размазывания работы с аспирантами по всей системе высшего образования. Еще одно важное изменение связано с укреплением роли ректоров и их управленческих команд ценой снижения роли таких традиционных представительных органов, как ученый совет университета или факультета.

Работа по интернационализации науки привела к распространению количественных показателей результатов исследований, которые теперь применяются в системах оценки деятельности и распределения финансирования. К этим показателям относятся количество совместных международных исследовательских проектов; проведение исследований, которые привлекают больше внимания на международном уровне (за счет использования глобальных массивов данных); количество публикаций, подготовленных вместе с иностранными соавторами. Все эти показатели оцениваются на индивидуальном, институциональном и национальном уровне.

Университеты и большая политика

В 2010-х годах университеты еще не были политизированными, и на протяжении обеих волн реформ им удалось избежать воздействия масштабных политических сдвигов в стране. В частности, когда в 2015 году власть в стране перешла от центристов к правым, это никак не сказалось на образовательной политике. Изнурительные политические конфликты последних лет, характеризующиеся высокой степенью популизма, каким-то образом обошли стороной реформу высшего образования и вузы в целом. Не было никаких политически обусловленных изменений, хотя в последние месяцы в околоставных кругах все чаще обсуждается тема «ренационализации» высшего образования (и в особенности социальных и гуманитарных наук) в противовес «интернационализации». Пока сложно предугадать, в какой мере политическая жизнь страны может изменить общий курс на интернационализацию науки, вертикальную стратификацию системы высшего образования и развитие системы распределения финансирования на конкурсной основе. Однако, если изучить опыт периодов центристского (2009–2015 годы) и правого (2015–2020 годы) правительства, можно сделать вывод, что перспективы реформ на системном уровне довольно хорошие, несмотря на некоторую турбулентность. Хочется надеяться, что реформы не будут остановлены и не получат обратный ход, а продолжат набирать скорость и укрепятся и что никто не изменит курс развития университетов в направлении, выгодном, к примеру, популистам.

ИНИИ НИУ ВШЭ

Институт институциональных исследований НИУ ВШЭ (ИНИИ) осуществляет фундаментальные и прикладные исследования в области институционального анализа, экономики и социологии высшего образования и науки на основе мировых академических стандартов.

ИНИИ интегрирован в международную сеть исследователей высшего образования и сотрудничает с зарубежными экспертами в рамках сравнительных научно-исследовательских проектов в области развития высшей школы и социальной политики в сфере образования. В рамках долгосрочного сотрудничества с Центром по изучению международного высшего образования Бостонского колледжа (США) ИНИИ осуществляет издание русскоязычной версии бюллетеня «Международное высшее образование».

<http://cinst.hse.ru/>

«Международное высшее образование» — русскоязычная версия информационного бюллетеня International Higher Education (Бостонский колледж, США), издается НИУ ВШЭ с 2014 года ежеквартально.

Переводчик — Галина Петренко

Редактор перевода — Лариса Тарадина

Корректор — Ольга Першукевич

Дизайн, верстка — Владимир Кремлёв

Руководитель проекта — Мария Юдкевич
yudkevich@hse.ru

Координатор проекта — Наталья Денисова
ndenisova@hse.ru

109028, г. Москва,
Покровский бульвар, д. 11

E-mail: ihe@hse.ru

Сайт журнала: www.ihe.hse.ru

Подписано в печать 16.06.2021

Типография НИУ ВШЭ

125319, г. Москва, Кочновский проезд,
д. 3, комн. 106

ВЫПУСК

106

Весна

2021

